

Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-стилистические аспекты перевода
дипломатических текстов
(на материале сайтов МИДа России и Германии)

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра

Е.В. Пономаревой

Рецензент: к.ф.н. В.М. Тарасов

Научный руководитель:

к.ф.н. В.Н. Корнев

Санкт-Петербург

2017 год

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

«**Дипломатия** – это умение высказать самые отвратительные вещи в приятных выражениях»
(английская пословица)

На международной арене, особенно в период напряженных отношений между государствами, тактика и стратегии дипломатов в их повседневной дипломатической деятельности играют наиважнейшую роль. Дипломатия – это, прежде всего, искусство, применяемое для установления и поддержания международных отношений посредством различных методов коммуникации. Эти приемы имеют свое речевое выражение, отражение которого мы видим в ряде дипломатических документов. Искусство дипломата заключается, в том числе, в умении правильно использовать речевые приемы. Дипломаты являются, прежде всего, выразителями государственных интересов.

Для современной лингвистики особую ценность представляет изучение специфики дипломатического языка, который, несмотря на свойственную дипломатическому подстилю статичность, находится в постоянном развитии ввиду стремительных изменений во внешне- и внутривополитических событиях. Развитие дипломатической службы находит свое отражение на уровне языка в появлении новых лексических единиц дипломатической коммуникации, которые требуют точной передачи смыслового значения. Изучение особенностей перевода речей дипломатов представляет особый интерес с лингвистической точки зрения.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что особенности исследуемых текстов устной дипломатической коммуникации не столь широко изучены с лингвистической точки зрения и в аспекте перевода. В настоящее время в языке устной дипломатической коммуникации все чаще наблюдается отклонение от литературной нормы дипломатического языка, что вызывает особый интерес с точки зрения используемых переводчиком языковых средств при интерпретации материала.

Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящей работе проведен анализ устной дипломатической коммуникации на русско- и немецкоязычном материале по актуальным внешнеполитическим темам.

Целью данной работы является выявление лексико-стилистических особенностей текстов дипломатической деятельности в аспекте перевода.

Для достижения указанной цели предполагается решение следующих задач:

1. Определение характерных особенностей дипломатического дискурса, стратегий и тактик дипломатической коммуникации;
2. Определение особенностей дипломатического подстиля как элемента официально-делового функционального стиля;
3. Структурное разделение дипломатических документов на основе концепции типов текстов;
4. Анализ специфики построения дипломатических текстов;
5. Сбор лексического материала, отражающего дипломатическую деятельность, систематизация и унифицирование лексических единиц, а также выявление особенностей дипломатического языка на лексическом уровне;
6. Изучение стилистических средств выразительности в дипломатических текстах;
7. Выявление закономерностей при переводе лексических единиц в дипломатических текстах в русском и немецком языках.

Предметом исследования являются лексико-стилистические особенности, встречающиеся в переводе дипломатических текстов.

Материалом исследования послужили двуязычные тексты, опубликованные на официальных сайтах МИДа России и Германии: брифинги и комментарии официального представителя МИД России М.В. Захаровой, выступления, пресс-конференции и интервью Министров

иностранных дел Российской Федерации и Федеративной Республики Германия по различным внешнеполитическим вопросам, а также материалы на языке оригинала по текущим вопросам международного сотрудничества.

Основным методом исследования является сопоставительно-типологический анализ, который позволяет выявить основные лексико-семантические единицы исходного языка и языка перевода для анализа и классифицировать их.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результатом данной работы является двуязычный глоссарий основных лексических единиц, наиболее часто употребляемых в дипломатическом языке. Материалы исследования могут быть использованы в теоретических и практических курсах, связанных с общественно-политическим переводом и другими вопросами лингвистики, а также в процессе самостоятельной подготовки переводчиков.

В рамках настоящего исследования мы обратились к работам выдающихся ученых-лингвистов по стилистике и теории текста (М.П. Брандес, Н.С. Валгина, Б. Зандиг и др.), лингвистике текста (К.А. Филиппов, В.И. Карасик и др.), теории и практики переводоведения (И.С. Алексеева, В.Н. Комиссаров, Т.А. Казакова), трудам ученых-международников в области современной дипломатии и международных отношений (А.Н. Ковалев, В.П. Потемкин и др.).

Также были изучены исследования, проведенные в своих диссертациях Л.Г. Фарафоновой, Х.А. Саидовым, Т. Хайфой, А.С. Кожетевой, Т.А. Волковой и другими лингвистами.

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и двух приложений.

ГЛАВА I

1. Дипломатия и дипломатический дискурс

Настоящая глава ставит своей задачей выявление особенностей дипломатического дискурса, стратегий дипломатической коммуникации, особенностей дипломатического документа с лингвистической точки зрения. Исследование дипломатической коммуникации в разрезе дискурсивности представляется важным элементом в развитии системы международных отношений.

В последние десятилетия в ряде наук, таких как политология, дипломатия, международные отношения и социология все чаще употребляется термин «дискурс» (от фр. discours – речь). Дискурс обозначает речь, процессы языковой деятельности и предполагающие их системы понятий. В современной лингвистике отсутствует единство в толковании термина «дискурс». В.Е. Чернявская (Чернявская 2001 : 14, 16) представляет данный термин в двух плоскостях:

1. «Термин как конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве».
2. «Термин как совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме.

В первом случае дискурс рассматривается как категория лингвистическая, которая вбирает в себя понятие текст и его «вокругтекстовый фон» или экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на текст.

Во втором случае дискурс представлен как взаимосвязь соотнесенных типов текстов в рамках одной коммуникативной сферы. Таким образом, отдельные социальные сферы человеческого познания складываются

в определенные типы дискурса, например, дискурс дипломатический.

В рамках такого понятия дискурса можно говорить о типах текстов, которые представляют собой определенную коммуникативную сферу. Подробнее о типах текстов мы остановимся в следующем разделе нашего исследования.

К.Ф. Седов (Седов 1999 : 5) под дискурсом понимает целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций.

В более широком и общем понимании «текст» и «дискурс» могут быть соотнесены с противопоставлением устного дискурса и письменного текста, другими словами, речи и текста. Разница в восприятии различных трактовок в понимании текста и дискурса обусловлена разными взглядами авторов на данное явление. М.А. Хэллидей утверждает, что центральным элементом в исследовании дискурса выступает контекст, который предвосхищает появление текста и дискурса (Halliday 1991 : 5). Под дискурсом автор понимает текст, функционирующий в контексте заданной ситуации. Так, специфика дискурса обусловлена текстом и контекстом. Анализ контекста возможен через анализ интра- и экстралингвистических маркеров, выраженных в тексте в рамках определенной сферы социального действия. Так, М.А. Хэллидей выделяет три дискурсивных маркера, которые в полной мере раскрывают контекст ситуации и реализованы в тексте через единицы языка (Halliday 1991 : 25):

- Опытные значения – маркируют дискурсивное поле путем познания индивидом реального мира и характеризуют поле дискурса;
- Особенности взаимодействия участников дискурса, характеризующие направление дискурса через межличностные категории контекста ситуации;
- Текстовые маркеры как совокупность специфичных речевых маркеров.

Возникновение термина «дискурс» связано с обозначением определенного состояния, которое отражает порождаемую в различных коммуникационных условиях речь. Тип дискурса детерминирован типом социально-коммуникативной активности человека. При проведении анализа

дискурсивной составляющей определенной сферы деятельности, следует перечислить какими характеристиками обладает дискурс.

Так, Е.С. Кубрякова полагает, что основными характеристиками дискурса являются историческая составляющая с ее реальным временем, указывающая на тип социальной активности (поскольку дискурс возможен лишь в рамках определенного социального контекста), интеракциональность (в большей степени дискурс находит свое отражение в диалогической устной речи) и, как следствие, адресатность (целевая аудитория дискурса), интенциональность (взаимодействие партнеров по коммуникации, то есть отправителя и получателя информации), целеполагание (постановка определенных задач в дискурсивной деятельности) (Кубрякова 2004 : 528).

В современной лингвистике существует множество подходов к изучению и описанию дискурса, а также разные методы анализа данного явления. Так, дискурс рассматривается как с позиции психолингвистики, как разновидность особой социальной ментальности, так и с точки зрения критического анализа. Следует упомянуть о различных подходах в изучении дискурса, представленных в диссертации Требелси Хайфа «Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса». Рассмотрим некоторые из них.

Одним из подходов в современной лингвистике к изучению дискурса является изучение его структурных признаков на уровне текстовых особенностей. Тем самым, понятие дискурс соотносится с понятием текст. В.И. Карасик (Карасик 2000 : 5) под термином «дискурс» понимает текст: «под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи». Уровень текста в контексте анализа дискурса рассматривается как уровень языковой реализации дискурсивного содержания. Текст является неотъемлемым элементом дискурса. Ввиду того, что понятия «текст» и «дискурс» являются образованиями лингвистического порядка, которые возникают посредством языковых форм с одной стороны, и результатом ментальной деятельности людей, с другой стороны, этим

понятиям сложно дать какое-либо точное описание.

Согласно Е.С. Кубряковой, «...дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» (Кубрякова 2004 : 525).

Вторым подходом в изучении дискурса можно выделить функционально-структурный анализ дискурса в языке. Так, дискурс рассматривается в аспекте изучения языка в целом. Согласно Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1990 : 136, 137), дискурс является деятельностью, погруженной в жизнь, и требует при его рассмотрении обязательного учета социальных параметров происходящего, всех прагматических факторов его осуществления. В данном случае дискурс понимается как особая форма использования языка на всех его уровнях. К.Ф.Седов (Седов 2004 : 8) под дискурсом понимает «объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей».

Поскольку, как мы уже упоминали, сферы человеческого познания находят свое отражение в разных типах дискурса, то имеют место такие понятия, как: политический дискурс, деловой дискурс, социологический дискурс и т.д. Таким образом, уместно говорить о междисциплинарном характере дискурса. Предметом нашего интереса является дискурс дипломатический. Дипломатический дискурс можно охарактеризовать как способ межгосударственного общения и межведомственных отношений. Дипломатический дискурс представляет собой явление дипломатической коммуникации, которая, в свою очередь, является конституирующим элементом системы внешнеполитических сношений государств на уровне

языковых единиц. Подход к анализу дипломатического дискурса связан с изучением языка дипломатической коммуникации в тесной связи с практической деятельностью в области дипломатии и международных отношений.

Лингвистический анализ дипломатического дискурса предполагает исследование характерных черт дискурса и определение маркеров дискурса на уровне языковых единиц (в данном случае анализ лексико-семантических и стилистических особенностей дипломатической деятельности).

В.И. Карасик предлагает заменить понятие функционального стиля на «формат дискурса», который используется, согласно автору, в качестве значения разновидности дискурса, выделяемой на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, регистра общения и клишированных языковых средств (Карасик 2004 : 246).

Так, в дипломатическом дискурсе выделяют два формата: официально-документальный и обиходно-деловой. Первый характерен для письменной формы дипломатической деятельности, к которой относят такие группы типов текстов, как: документы дипломатической переписки, внутриведомственные документы и другие. К обиходно-деловому формату относятся, соответственно, такие типы текстов как публикации для СМИ, стенограммы брифингов и другие. Далее мы обратимся к особенностям обиходно-делового формата дипломатического дискурса.

Задачи дипломатического дискурса в целом можно свести к задачам концепции внешней политики государства. Ценности дипломатии и, следовательно, дипломатического дискурса, сводятся к соблюдению принципов суверенного государства, разрешению споров дипломатическими средствами, то есть путем ведения переговоров, ориентации на многополярное сотрудничество и т.д. Все перечисленные ценности и принципы являются элементами международно-правовых документов и неотъемлемыми частями дипломатического протокола. К событиям

дипломатического дискурса относятся конференции, саммиты, брифинги, пресс-конференции, приемы на разных уровнях и т.д.

Характерным признаком дискурса с точки зрения коммуникации ряд исследователей выделяет понятие стратегичности (Иссерс, 2006) (Тарасова, 1992). «Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс 2006 : 54). И.П. Тарасова объединяет понятия стратегии и тактики общения, которые реализуются в ходе ведения стратегии речевой коммуникации с целью достижения запланированных результатов. Тактика ведения беседы проявляется в совокупном владении речевыми приемами, которые служат разным целям – от убеждения коммуниканта до привнесения эмоциональности в беседу. Выявление стратегии текста как акта коммуникации призвано определить цель его создания. Коммуникативная стратегия в целом, рассматриваемая как совокупность речевых актов, направлена на решение общей коммуникативной задачи говорящего (Тарасова 1992 : 107-110).

Дипломатическая коммуникация, как уже отмечалось, основана на использовании определенных речевых стратегий и тактик, целью которых, в том числе, является отстаивание интересов и поддержание имиджа государства.

Т. Хайфа в работе «Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса» рассматривает тактику ухода от прямого ответа и тактику умолчания (или «тактику вуалирования»). Целью использования данной тактики является неразглашение конфиденциальной информации или информации, не подлежащей огласке в СМИ. Тактика вуалирования выражается в том, что коммуниканты используют обтекаемые формулировки в речи. То есть дипломатическая коммуникация формально является состоявшейся, при этом детализированная информация замещена широкими, обтекаемыми формулировками. Например: в сферах, которые отвечают

интересам обеих стран, ряд организационных аспектов, обсуждение актуальных вопросов двусторонних отношений и т.д.

Т.А. Волкова в диссертации «Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода: на материале английского и русского языков», вслед за В.З. Демьянковым (1981), приводит ряд принципов общения или алгоритм коммуникационного поведения, которые в той или иной степени призваны регулировать коммуникационное поведение:

- принцип неточности общения (говорящий не обязан соблюдать точность в высказываниях ввиду широкого контекста, раскрывающего замысел говорящего);
- принцип потенциальной выявляемости оснований;
- принцип оптимальности (сведение к минимуму сложности повествовательной структуры);
- принцип выразимости;
- принцип буквальности.

Развивая эту мысль, автор говорит о принципах коммуникативного общения, которые способствуют достижению положительного результата в процессе коммуникации. Так, одним из принципов является принцип вежливости.

В дипломатической практике существует ряд дефиниций, определяющих понятие дипломатия. «Дипломатия есть ведение международных отношений посредством переговоров, метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся; работа или искусство дипломата; создание международного доверия» (Никольсон 1941 : 20). «Дипломатия – есть деятельность правительства по осуществлению внешней, международной политики государства» (Ожегов 1994 : 162).

В дипломатическом словаре (1960 : 457-468) мы находим следующую трактовку термина «дипломатия»: «официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних отношений по осуществлению переговоров, переписки и других мирных средств, целей и задач внешней политики государства, определяемых интересами

господствующего класса, а также по защите прав и интересов государства за границей». Т.А. Волкова в вышеупомянутой работе определяет структуру понятия «дипломатия» следующими составляющими:

- процедуры и аппарат, призванные решать вопросы внешней политики государства и взаимоотношений между государствами в соответствии с концепцией внешней политики государства и нормами международного права;
- ведомства и персонал внутри и за пределами государства, осуществляющие цели и задачи государства.

В науке отдельная роль отводится дипломатическому языку (*diplomatische Sprache*). Дипломатический язык рассматривается лингвистами в двух плоскостях:

1. «Во-первых, это язык, на котором ведутся официальные дипломатические отношения и составляются международные договоры.
2. Во-вторых, это совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь». (Баландина, Кураченко 2011 : 6-15).

Дипломатический язык является фиксированным и универсальным. Следует отметить, что язык дипломатии всегда ограничен выбором речевых средств. Отличие дипломатического от других видов дискурса заключается в наличии жестких языковых рамок, ограничивающих выбор лексических средств выражения и определяющих функциональный стиль.

Формами дипломатической деятельности государств по осуществлению внешнеполитических целей и задач являются, как уже упоминалось, дипломатические документы. Говоря о дипломатическом языке, А.Н. Ковалев утверждает, что представление о стиле и языке дипломатических документов, как об элегантном и обтекаемом, полностью нивелировалось. «Гладкость и причесанность» являются признаками слабого и недоработанного дипломатического документа. Более того, язык

дипломатических документов должен допускать и определенные вольности, как, например, употребление эпитетов. Определяющим фактором идеала дипломатического языка является уровень точности и полноценности выражения желаемого содержания без использования «лишних» слов (Ковалев 1968 : 166-167).

Дипломатические документы являются документами, фиксирующими политическую или международно-политическую позицию государства. Среди них можно выделить документы дипломатической переписки (официальные письма, личные и вербальные ноты, меморандумы, памятные записки, заявления и т.д.), с одной стороны, и документы дипломатической деятельности по участию в конгрессах, конференциях, совещаниях представителей внешнеполитических ведомств, освещение в печати позиции государства по внешнеполитическим вопросам, публикации официальной информации внешнеполитических ведомств стран и т.д., с другой стороны. То есть документы письменной и устной дипломатической коммуникации.

Структура дипломатических документов, согласно А.Н. Ковалеву, содержит следующие обязательные элементы:

- Протокольные формулы (содержатся только в посланиях и нотах, памятных записках);
- Смысловое ядро документов;
- Аргументационная часть;
- Изложение факта или фактов.

В той же работе автор приводит условную классификацию дипломатических документов, не зависимо от наличия в них формальных признаков

(Ковалев 1968 : 98):

1. Документы, содержащие предложения;
2. Документы, заявляющие протест;
3. Документы, предупреждающие о возможных ответных шагах;

4. Документы, фиксирующие политическую или международно-правовую позицию к той или иной акции другого государства или к международному событию;
5. Документы, информирующие о намечаемых или проведенных мероприятиях, имеющих международное значение;
6. Документы, оформляющие договоренность или достигнутую степень согласия.

Среди дипломатических документов, являющихся предметом нашего рассмотрения, встречаются, в основном, документы четвертной и пятой категории по вышеуказанной классификации А.Н. Ковалева.

В современной дипломатии примером дипломатических документов, фиксирующих политическую или международно-правовую позицию к той или иной акции другого государства или к международному событию, а также информирующие о намечаемых или проведенных мероприятиях, имеющих международное значение, могут быть заявления и брифинги официального представителя внешнеполитического ведомства.

Одной из целей документов является заявление позиции государства и уведомление об этой позиции других государств.

В соответствии с классификацией дипломата В.И. Попова (Попов 2010 : 415-429) среди дипломатических документов можно выделить следующие категории:

- Ноты (вербальные, личные);
- Частные письма полуофициального характера;
- Памятные записки;
- Меморандумы;
- Заявления правительства;
- Выступления лидеров государства;
- Документы внутриведомственной переписки (годовой политический отчет, политические письма, информационные письма / тематические

справки, обзор прессы, политические характеристики, телеграммы (шифротелеграммы);

- Дипломатические документы по экономическим темам;
- Записи дипломатических бесед.

Однако данная классификация не является исчерпывающей.

Приведем также классификацию дипломатических документов, предложенную Л.И. Евтушенко и И.И. Борисенко (2003). Так, документы дипломатической деятельности охватывают следующие группы:

1. Договоры и другие международные соглашения (договоры, конвенции, соглашения, декларации, протоколы);
2. Конституционные акты ООН и других международных организаций (устав ООН, Устав Международного суда, конституции специализированных учреждений ООН);
3. Односторонние юридические акты (ратификация, присоединение к договору, оговорка, приложенная к ратификации, денонсация договора);
4. Резолюции и отчеты Генеральной Ассамблеи ООН и других международных организаций (резолюции, директивы, правила, процедуры, краткие отчеты);
5. Заключительные документы:
 - 5.1. Заключительные документы межправительственных визитов и переговоров (коммюнике, совместные заявления, декларации, меморандум о договоренности);
 - 5.2. Заключительные документы международных конференций (заключительные акты, декларации);
6. Дипломатическая корреспонденция:
 - 6.1. Корреспонденция ООН (официальные письма, неофициальные письма, вербальные ноты, памятные записки / меморандумы);
 - 6.2. Межгосударственные дипломатические документы;

6.3. Прочие дипломатические документы (агреманы, консульский патент, экзекватура, грамоты, полномочия).

Данная классификация представляется наиболее полной, так как типы документов охватывают все аспекты внешнеполитической деятельности МИД.

Лингвистический анализ текстов дипломатической деятельности целесообразно производить после выявления специфических черт дипломатического дискурса. О некоторых свойственных дипломатическому дискурсу чертах мы уже упоминали выше.

Основополагающими принципами внешней политики государства являются соблюдение реализации внутригосударственных нормативных документов по осуществлению внешнеполитического курса страны и международных правовых норм, закрепленных в дипломатических документах конвенций, встреч, конференций.

Применительно к дипломатическому дискурсу, дипломатия характеризуется как официальная открытая деятельность одного государства, направленная на достижение своих внешнеполитических целей и задач путем дипломатических средств и методов, направленных на развитие международных отношений. Предметная сфера дипломатического дискурса определяется исторически сложившимся институтом международных отношений. Под институтом дипломатии, определяющим характеристики дипломатического дискурса, понимается совокупность норм, направленных на регламентацию внешних сношений государств, форм их представительства за границей, вопросов дипломатического этикета, подготовки и создания дипломатических актов (Соловьев 2005 : 5). Характерными чертами институционального дипломатического дискурса являются многополярный характер взаимодействия, стремление к сотрудничеству, всеобъемлющая информационная составляющая, комплексный характер внешнеполитических отношений, отстаивание дипломатами интересов своего государства. Одной из характеристик

дипломатических текстов является их информативность, собирательный образ адресата.

Институциональный характер дипломатического дискурса предполагает соблюдение правил поведения и норм дипломатического протокола. Целью институционального дипломатического дискурса является сохранение интересов государства. В дипломатическом дискурсе превалирует роль институционального начала, роль личностного (персонального) практически нивелирована. Институциональное общение представляет собой стандартизированную дипломатическую коммуникацию.

Особенностью дипломатических текстов с коммуникативной точки зрения является также диалогичность. Любая письменная дипломатическая деятельность направлена на двусторонний/многосторонний диалог, целью которого является установление и поддержание сотрудничества. Что касается устной дипломатической деятельности (переговоры, пресс-конференции, брифинги, заявления официальных представителей и т.д.), диалогичность проявлена эксплицитно: адресат дипломатической коммуникации, представляющий интересы своего государства, обращается к представителям иностранного государства.

2. Типы текстов, встречающиеся в дипломатической сфере, их структурные и стилистические особенности

Как известно, искусство дипломатов выражается в тактике ведения переговоров, подаче материала, стиле дипломатических документов. Дипломатические документы, представляющие собой разновидность официально-делового стиля, образуют дипломатический подстиль.

О языке и стиле дипломатических документов написано большое количество научных работ. Среди них особо внимания заслуживает «Техника дипломатии» Х. Вильднера. Немецкий ученый Х. Вильднер отмечает, что «дипломатический стиль должен отличаться, прежде всего, простотой и ясностью; под этим подразумевается не простота ремесленнического

способа выражения, а классическая форма простоты, которая умеет выбирать для каждого предмета единственное подходящее при данных обстоятельствах слово. Вычурный способ выражения, также как многоречивость, будет иметь своим следствием недостаток простоты.

Не всякий хороший стилист, будь он действительно таковым, является в то же время хорошим дипломатическим стилистом. Нет, этого названия заслуживает только дипломат, и именно тот дипломат, который и в письменной области умеет проявить себя как полностью дееспособный представитель своей профессии» (Вильднер 1959).

Обратимся к определению места дипломатического подстиля в системе официально-делового функционального стиля. Исследованию функциональных стилей в лингвистике посвящены многие работы М.Н. Кожиной. «Функциональный стиль речи – это определенная социально осознанная разновидность речи, соответствующая той или иной сфере общественной деятельности и форме сознания, обладающая своеобразной стилистической окраской, создаваемой особенностями функционирования в этой области языковых средств и специфичной речевой организацией (структурой), имеющая свои нормы отбора и сочетания языковых единиц, определяющиеся задачами общения в соответствующей сфере» (Кожина 1966 : 13). Из определения М.Н. Кожиной следует, что функциональный стиль языка характеризуется в большей степени экстралингвистическими особенностями.

М.П. Брандес в «Стилистике текста» определяет стиль следующим образом: «Стиль не только выражает «технологию» определенного типа духовного производства в конкретной исторической ситуации, но и характеризует особенности, и своеобразие любой человеческой деятельности, в том числе и коммуникативно-речевой, и ее результат» (Брандес 2004 : 140-141). Функциональный стиль представляет собой особую действительность, в которой находят свое проявление определенная система форм и стереотипов, черт. Такая система делится, в

свою очередь,
на несколько подсистем, одна из которых – подсистема содержания, отражающая метод содержания текста. Стиль обладает такими характерными чертами, как: целеназначенность, системность и информационный характер (Брандес 1975 : 6).

Л.К. Граудина определяет официально-деловой стиль так: «официально-деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официальных деловых отношений, возникающих между органами государства, организациями и их подразделениями, организациями и частными лицами в процессе их производственной, экономической, хозяйственной, дипломатической и юридической деятельности» (Граудина 1999 : 216-218). Под языковым стилем понимается совокупность лексических, грамматических, и фонетических средств выражения стиливых приемов определенной сферы функционирования языка.

К особенностям официально-делового стиля, согласно А.Б. Шевнину, относятся:

1. «Выражаемое официально-деловым стилем содержание, учитывая его огромную важность, должно исключать всякую двусмысленность, всякие разночтения.
2. Официально-деловой стиль характеризуется определенным более или менее ограниченным кругом тем» (Шевнин 2010 : 13).

Также, по мнению А.Б. Шевнина, стиль характеризуется:

1. «Высокой регламентированностью речи (определенный запас средств выражения и способов их построения);
2. Официальностью (строгость изложения: слова употребляются обычно в своих прямых значениях, образность, как правило, отсутствует, тропы очень редки);
3. Безличностью (официально-деловая речь избегает конкретного и личного)» (там же : 14).

Так, для официально-делового стиля характерен обобщенный стиль содержания текста.

Второй составляющей системы функционального стиля, согласно М.П. Брандес, является подсистема функционального содержания, которую автор определяет как функциональный «тип текста». Типы текстов подразделяются на информационный, аналитический и художественный. С системой каждого функционального стиля соотносятся определенные речевые жанры и стили речевых жанров, которые становятся элементами функционального стиля как системы. Функциональный стиль как среда функционирования речевых жанров - это очень широкое образование, которое формализует неоднородные и довольно изменчивые условия функционирования (Брандес 2004).

Так, официально-деловой функциональный стиль подразделяется на ряд функциональных подстилей. Критериями для выделения того или иного подстиля являются: способ коммуникации, форма, тип адресата и прочие маркеры. Л.Г. Фарафонова в работе «Система дипломатического подстиля и ее исследование на уровне текста (на материале современного немецкого языка)», вслед за Э.Г. Ризель, в схеме официально-делового стиля выделяет пять подстилей. Однако А.К. Филиппов разделяет официально-деловой стиль на два подстиля: законодательный и канцелярский. При этом дипломатический подстиль, согласно автору, является вариативным в языковой системе (Филиппов 2007 : 190).

Для выявления стилистических особенностей дипломатического подстиля, как, впрочем, и любого другого стиля, необходимо рассматривать материал на уровне текста. В рамках изучения лингвистики текста остановимся на концепции «типа текста» (Texttyp, Textsorte, Textklasse, Textgruppe, Textart). Абсолютно точного перевода данного явления в лингвистике не существует. За основу учеными-лингвистами взят рабочий термин «тип текста». Согласно определению В.Е. Чернявской «под типом текста понимается модель, образец, схема построения и восприятия

аналогичных текстов (Textbildungsmuster, Textschemata) или «структурный прототип», который является прообразом для построения других текстов в рамках определенной категории, но с другим наполнением и содержанием (Чернявская 2009 : 57-58). Каждый тип текста обладает свойственными ему характерными специфическими признаками. Методом объединения текстов в ту или иную текстологическую группу является наличие текстообразующих признаков и их повторение в тексте. Понятие типа текста в работах В.Е. Чернявской рассматривается для обозначения культурно исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов («экземпляров текста») с различным тематическим содержанием. Так, любой экземпляр текста существует как реализация соответствующего текстотипа. Автор предлагает два пути типологизации «текстовых экземпляров»: «путь сверху-вниз» (от общих параметров к конкретным текстовым реализациям) и «путь снизу вверх» от реально существующих текстов к их объединению». Мы придерживаемся второго способа типологизации видов дипломатических текстов.

Многие ученые полагают, что на основе концепции типа текста можно выделить виды текстов в той или иной коммуникационной сфере. Однако среди ученых-лингвистов как российских, так и западных нет единства мнения относительно способа классификации видов текстов. Экземпляр текста, то есть конкретное текстовое произведение, согласно В.Е. Чернявской, существует в лингвистической системе как представитель соответствующего типа текста и должен рассматриваться именно в таком ключе. Типологизация текстов (критерии для разграничения текстов на конкретные типы) несмотря на ее многогранность, происходит, как утверждает Н.С. Валгина, на основе выделения основных признаков текста: информационных, функциональных, структурно-семиотических и коммуникативных (Валгина 2003 : 113).

Наиболее понятная и емкая трактовка термина «тип текста» представлена, на наш взгляд, К.А. Филипповым: в современной лингвистике термин «тип текста» применяется для характеристики устойчивых текстовых форм и конкретной реализации данной формы в речи. «Под типом текста при этом понимается форма текста, в которой реализуется коммуникативное намерение говорящего и которая строится по определенным правилам и нормам», что означает, что каждый текст по своей природе уникален, обладает, наряду со своими морфологическими, стилистическими, синтаксическими и другими особенностями, специфическими чертами (текстовыми признаками), характерными для данного рода коммуникаций. Классификация типологий текстов не является однозначной.

Так, автор перечисляет основные текстовые классификации отечественных и зарубежных лингвистов (Филиппов 2007 : 191-211). Типология текстов рассматривается с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Типы текстов разными учеными выделяются в зависимости от принадлежности текста к той или иной категории, функциональности текста, а также по другим признакам. Барбара Зандиг разделяет тексты по восемнадцати классам на основе экстралингвистических признаков: письмо, интервью, реклама и т.д. (Gulich, Raible 1970 : 196). Э. Гроссе выделяет восемь классов типов текстов на основе выполняемой текстом функции (Heinemann, Viehweger 1991 : 138-139). В зависимости от той или иной классификации тексты дипломатической сферы можно отнести к разным типам текста.

М.П. Брандес определяет тип текста следующим образом: «В рамках определенного сорта текстов наблюдается дальнейшая дифференциация текстов на основе более конкретной цели высказывания, которая объективируется в речевых жанрах» (Брандес 1975 : 10). Э.Г. Ризель под типом текста понимает класс определенных письменных и устных текстов, обладающих одинаковой функциональной и ситуативной

спецификой, а если и не одинаковой, то, по крайней мере, сходной языковой спецификой (Ризель 1975 : 13). Вид текста, или его тип, определяется в коммуникативных ситуациях на основе типовых признаков. В сфере дипломатии, как и в иных текстах официально-делового стиля, в результате коммуникативной деятельности возникают определенные типы дипломатических текстов со своими характерными особенностями и структурой. Дипломатический документ, рассматриваемый как элемент дипломатического дискурса, содержит результаты дипломатической деятельности и текстовые элементы, которые отсылают реципиента к другим текстам дипломатической деятельности.

Типы текстов в дипломатической сфере можно выделить на основе видов деятельности:

1. Тексты документов дипломатической переписки;
2. Тексты в результате переговоров;
3. Тексты для публикаций в СМИ и на официальном сайте МИД;
4. Тексты договоров.

С лингвостилистической точки зрения типологизация текстов представляется интересной в вышеупомянутой работе Л.Г. Фарафоновой. Автор выделяет стили типов текстов в соответствии с иерархией системы официально-делового функционального стиля. Л.Г. Фарафонова намеренно разграничивает такие понятия, как «тип текста», «стиль типа текста» и «стиль подтипа текста». Так, дипломатический подстиль рассматривается как структурный элемент официально-делового стиля, а дипломатические документы, по мнению автора, можно подразделить на группы типов текстов. Следует обратить внимание, что данная классификация относится только к письменной форме дипломатической деятельности (документов):

- Внутриведомственные документы;
- Документы, связанные с назначением и отзывом дипломатических представителей (верительные грамоты, ноты);

- Документы для публикации в прессе или, так называемые, заявления внешнеполитического ведомства (заявления официальных представителей внешнеполитических ведомств, заявления для печати);
- Документы, связанные с ратификацией, присоединением, денонсацией;
- Документы дипломатической переписки;
- Документы, появляющиеся в результате переговоров;

В свою очередь, в дипломатической переписке автор выделяет следующие стили типов текстов: нота, послание, promemoias, заявление. В документах, появляющихся в результате переговоров – договор и коммюнике.

Если рассматривать типологию текстов в аспекте соотношения текстовых элементов с экстралингвистическими факторами, то наименования типов текстов могут совпадать с обиходными наименованиями. В том числе, это касается и дипломатической сферы. То есть любой дипломатический документ является представителем определенного типа текста.

Тексты могут быть объединены в группы и подгруппы на основании одинаковой функциональной специфики. Однако такое выделение текстовых единиц, то есть типологизация тестов на основе наличия аналогичных структурных и функциональных признаков, имеет «дотеоретическое происхождение». Исследователи в последние десятилетия стремятся к тому, чтобы свести множество тестов к определенному числу видов на основе общих лингвистических и экстралингвистических признаков.

Иерархия системы дипломатического подстиля, по мнению Л.Г. Фарафоновой, имеет пятичленную структуру: официально-деловой стиль, дипломатический подстиль, стиль объединения типов текстов, стиль типа текста, стиль подтипа текста.

Языковыми особенностями организации речевых жанров официально-делового стиля с формальной точки зрения является стандартизированность речевых конструкций, клишированность и «предписанность языковых приемов построения речи». Именно эти приемы призваны избавить речевой жанр данного стиля от субъективности, избыточной информации и излишней

эмоциональности. Эмоциональная экспрессивность выражается лишь в торжественности определенных текстов.

Т.Г.Винокур утверждает, что «возможен и правомерен взгляд на функциональные стили как на стили языка», поскольку «возникая в речевых контекстах, характерные признаки функциональных разновидностей оформляются затем как определенный набор, определенная совокупность стилистически окрашенных средств, закрепляющихся в системе языка» (Винокур 1968 : 5). По мнению А.Н. Приходько (Приходько 2009 : 27), «стиль – это системообразующий фактор дискурса, а дискурс – изотопический континуум, вместилище вербальных средств воплощения социально значимых целей, преломленных в лингвокультурном сознании». Функциональный стиль обладает определенным набором стилевых черт, присущих определенному дискурсу.

По мнению М.П. Брандес: «речевые жанры, оформление которых управляется официально-деловым стилем, рассматриваются как бесстилевые». Официально-деловому стилю и, в том числе, подстилю дипломатических документов, характерно использование языковых штампов, клише. Запрограммированность в использовании определенных языковых элементов также является стилевым требованием.

Содержание коммуникативной функции официально-делового стиля М.П. Брандес определяет как «долженствование, выступающее в форме императивности предписывающе-оценочного значения» (Брандес 2004 : 143). Так, характерными чертами речевых жанров официально-делового стиля и дипломатического подстиля в частности, являются: четкость, ясность, однозначность, отсутствие двусмысленности и разночтений.

Дипломатия – сфера официального общения. Официально-деловой стиль – это стиль официальных документов в области внешней политики и международных отношений. Для дипломатического подстиля характерна обезличенность конструкций, отсутствие субъективности и индивидуальности. В контексте брифингов и выступлений официальных

представителей внешнеполитических ведомств «золотая середина» заключается в максимальном соблюдении правил официально-делового стиля и искусства ведения дипломатических переговоров даже по самым «острым» вопросам внешней политики. В этой связи одним из приемов ораторов является использование обтекаемых формулировок, несмотря на тот факт, что официально-деловому стилю в целом свойственна четкость, краткость и языковая экономия, которая призвана минимизировать избыточность выражений. Дипломатический подстиль характеризуется «холодно-вежливой тональностью» языка.

Говоря о форме дипломатической коммуникации, несмотря на то, что многие исследователи относят брифинги, заявления для прессы, выступления и другие документы дипломатической деятельности к устной форме дипломатической коммуникации, мы же считаем, что в данном случае уместно говорить о смешанной форме устного и письменного дипломатического языка. Несмотря на то, что заявления дипломатическими деятелями делаются устно, сам текст документов выполнен в письменном виде. Однако применительно к брифингам, пресс-конференциям и ответам представителям СМИ имеет место эффект спонтанности. Более того, в большинстве случаев данные тексты публикуются на официальных источниках и подлежат переводу. Поэтому предлагаем называть такой вид речевой коммуникации дипломатической деятельности смешанным.

Следует отметить, что в официально-деловом стиле первостепенную роль приобретает изложение факта. В связи с чем, тексты данного стиля стремятся к однозначному, объективному и логичному изложению фактов. Стилю дипломатических текстов характерны обобщенность, информативность, объективность, логичность изложения, смысловая ясность и точность, соблюдение дипломатической этики. Вышеупомянутые особенности находят свое отражение в использовании устоявшихся оборотов речи, стандартизированных клише, дипломатической терминологии, отточенных формул и формулировок. Свойства официально-делового стиля

находят свое отражение в текстах дипломатической деятельности в виде специфичных языковых средств, которые образуют систему языка на разных уровнях: лексико-семантическом, стилистическом, морфологическом и синтаксическом. Дипломатический текст изначально «погружен» в строгие рамки соответствия дипломатическому подстилю, правил дипломатического протокола, что проявляется в особом отборе языковых средств в процессе составления документов и переводе их на иностранный язык.

3. Лексические и стилистические особенности языка дипломатии

Задача данного раздела заключается в определении лексических единиц, характерных для языка дипломатии, и их особенностей.

Лексический материал, представляющий терминологический слой в языке дипломатии, отражает реалии дипломатической службы как особого вида внешнеполитической деятельности. Дипломатическая терминология представляет собой сложную систему, которая, в свою очередь, распадается на подсистемы.

В силу стилистической специфики дипломатических текстов лексическое употребление языковых средств строго регламентировано.

Так, к особенностям словоупотребления в текстах дипломатической сферы относятся:

- Особый пласт терминологической лексики (лексика дипломатическая);
- Использование речевых клише и штампов;
- Заимствования;
- Эвфемизмы;
- Аббревиатуры, сокращения.

Основным ядром лексического состава дипломатических текстов является терминология как неотъемлемая часть дипломатического дискурса, причем как на языке оригинала, так и на языке перевода. Дипломатическая терминология является одной из составляющих лексико-семантической

системы языка. История возникновения и развития дипломатической терминологии связана с экстралингвистическими категориями такими как, например, становление системы международных отношений и зарождение дипломатии. Термины в дипломатическом дискурсе стали зарождаться с момента возникновения государственности, в процессе ведения войн, подписания договоров и соглашений. Терминология в области международных отношений имеет постоянное развитие по мере развития самого языка. С течением времени усовершенствовалась и классификация терминов, о которой речь пойдет дальше. Термины на дипломатической службе составляют основной элемент стиля протоколирования в ведении переговоров и в дипломатических документах. Следует отметить, что границы употребления лексических единиц размыты. В большей степени значение имеет контекст употребления лексемы.

Термин (от лат. *terminus*) – слово или словосочетание, точно и однозначно именуемое понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы. Термины в рамках сферы своего применения не имеют эмоциональной окраски и однозначны в толковании. Термины входят в лексическую систему языка в составе определенной терминологии, они не связаны с контекстом. Терминология каждой области знаний ограничена фиксированным набором терминов. Термины характеризуются соотносительностью с точно определенным понятием и стремлением к однозначности. Как правило, терминологическое значение слова не подлежит изменению.

Проблема перевода терминов понимается лингвистами как проблема передачи терминологического значения. Само понятие термина является спорным вопросом в лингвистике. Разные ученые предлагают свое определение понятия термин. По мнению Г.О. Винокура и А.А. Реформатского (1961), термин связан с определенным родом деятельности, в которой он имеет место быть (Винокур 1939 : 6) . На процесс

образования дипломатических терминов оказывают влияние, как уже упоминалось ранее, экстралингвистические факторы.

С течением времени значение термина модернизируется. Обратим внимание на общепринятые положения применительно к понятию термина в целом, выдвинутые Д.С. Лотте (1961):

- Термин рассматривается как член национальной терминологической системы;
- Терминоэлемент является минимальной единицей, участвующей в терминообразовании;
- Терминологии обладают определенными недостатками;
- Однозначность терминов подразделяется на абсолютную и относительную;
- Необходимость разделения терминологического массива на «собственные» и «привлеченные»;
- Образованный термин должен быть именем собственным предмета или понятия, не имея в данной области синонимов и не представляя собой омонимов;
- Существующий и вновь создаваемый термин должен вызывать определенную ассоциацию – «частную» (смысловую) или «узловую» (агрегатную).

Лексической особенностью документов дипломатической сферы является использование международной дипломатической терминологии, терминологии международного права и общественно-политической терминологии, которая охватывает внешнеполитические термины. Дипломатия тесно связана с правовой сферой, так как при ведении внешней политики государства дипломатия опирается на нормы международного права.

Поскольку первоначально дипломатическим языком служила латынь, то большинство интернациональных терминов дипломатической сферы

имеют латинское или французское происхождение. В XX веке на терминологическую систему дипломатического языка начал оказывать влияние английский язык, который приобрел на тот момент статус международного языка. Немецкий язык не является исключением в преемственности фактов развития дипломатической системы языка. Так, большая часть дипломатических терминов в современном немецком языке относится к заимствованиям из вышеуказанных языков. Заимствования в языке дипломатии можно разделить на два вида:

1. Собственно заимствования;
2. Калькирование.

Среди собственно заимствований из латинского и французских языков в дипломатической практике на сегодняшний день фигурируют следующие лексемы: *атташе (Attache)*, *дипломат (Diplomat)*, *демарши (Demarche)*, *агреман (Agrement)*, *коммюнике (Kommunique)*, *консул (Konsul)*.

Лексика латинского происхождения находит свое отражение не только в русском языке, но и в немецком. Такая терминология находит свое проявление в текстах вербальных нот, в которых в явном виде присутствует калькирование: *де-факто (defacto)*, *персона нон грата (persona non grata)*, *статус кво (status quo)*, *modus vivendi* – данные термины не подвергаются ассимиляции при калькировании. *Право вето (Vetorecht)*, *меморандум (Denkschrift)*, *дипломатический корпус (das diplomatische Korps)*.

Следует отметить тенденцию в современном немецком языке к замене заимствованных слов на собственно немецкие термины: *Lettre de creance – Beglaubigungsschreiben*, *Ambassadeur – Botschafter* и др. В этой связи отметим свойственную дипломатической терминологии синонимию: *Memorandum – Denkschrift*.

В. Джафаров в работе «Дипломатия и дипломатическая переписка» отмечает, что ряд терминов из общелитературного языка в дипломатической сфере приобретают сугубо узконаправленное значение и становятся терминами специальными. Здесь важна сфера

функционирования терминов. Например: «протокол» (Protokoll) как вид дипломатического документа и совокупность правил дипломатического этикета, «заявление» (Stellungnahme) как дипломатический документ, в котором выражается официальная позиция дипломатического представителя по тому или иному вопросу международных отношений.

В установлении двусторонних и многосторонних отношений между государствами, поддержании международных связей с организациями, в том числе, и неправительственными, приоритетную роль играют дипломатические документы, высказывания и заявления дипломатических представителей, а также корректный перевод на иностранный язык. В обмене информацией между Центральным аппаратом МИДа и его представительствами на территории страны и за рубежом, специальные термины занимают особое место. На языке дипломатии данная терминология относится к категории этикетной и комплиментарной лексики, придающей торжественное звучание. Использование протокольных формул дипломатической вежливости, таких как: *высокий гость (Hoher Gast)*, *визит вежливости (Begrüßungsbesuch)*, *имею честь заявить (die Ehre haben)*, *Чрезвычайный и полномочный посол (außerordentlicher und bevollmächtigter Botschafter)*, *Полномочный министр (Bevollmächtigter Minister)*, является основообразующей характеристикой лексического состава дипломатических документов.

Прагматика дипломатического языка проявляется в использовании принятых в дипломатии обращений, протокольных формул уважения, которые одновременно являются выразителями вежливости и соблюдения деловой дистанции между коммуникантами. Более наглядно дипломатическая вежливость проявляется в письменной разновидности дипломатических документов в использовании начальных и конечных протокольных формул, как например: *ich beehre mich, auf Ihre Note vom heutigen Tage Bezug zu nehmen* и *другие*. В устной дипломатической

коммуникации речевые маркеры вежливости выражены в более свободной форме, свойственной официально-деловому стилю в целом.

Следует отметить, что для дипломатических документов, в том числе и для публикаций на языке перевода на сайтах внешнеполитических ведомств, важно корректно и недвусмысленно донести информацию, в том числе, для представителей других государств.

Конституирующими дипломатический подстиль элементами языка в дипломатической практике стали номинальность и терминологичность. Терминология, согласно К.А. Левковской (Левковская 1960 : 3), состоит в основном из существительных, которые лучше всего приспособлены для терминологических целей.

Зачастую словари не дают четкого определения принадлежности того или иного термина к конкретной терминологической системе сферы деятельности, что свидетельствует о размытии границ между ними. В качестве примера служат документы, созданные в результате переговоров, такие как: договоры, соглашения, протокол.

Лексико-семантической составляющей системы языка дипломатии и международных отношений является специальная лексика (*Fachwörter*), которая подразделяется на собственно терминологическую и нетерминологическую (например, лексика профессиональная, или полутермины, которые приобретают свое терминологическое значение лишь в конкретном контексте).

Следует отметить, что в письменной дипломатической деятельности отсутствует такая категория, как профессиональные жаргонизмы. Для устной дипломатической коммуникации характерно использование профессионализмов.

Согласно разделению терминологии К. Хеллера (1970), специальная дипломатическая терминология подразделяется на:

- общеупотребительную (*Diplomatie, Diplomat, Botschaft usw*);
- узкоспециальную (*Exquatur, Botschafterebene, Empfangsstaat usw.*);

- переходную группу (*Zeremoniell, Konsularagent, Agreement usw.*).

Как в любой живой системе языка, между этими категориями дипломатической терминологии отсутствуют четкие границы.

Следует отметить также, что дипломатической терминологии вовсе не свойственна статичность, несмотря на то, что термины и понятия дипломатической сферы остаются в большей степени неизменными по сравнению с другими областями науки.

Фарафонова Л.Г. в своей работе приводит деление дипломатической терминологии по парадигматическому принципу, выделяя следующие терминологические классы или подсистемы:

1. Названия должностных лиц, дипломатических представителей (*Gesandter, Gesandtschaftsrat, der 3., 2., 1. Sekretär, Attache usw.*);
2. Названия учреждений и дипломатических представительств (*Auswärtiges Amt, Mission, Gesandtschaft, Botschaft usw.*);
3. Названия документов и их составляющих частей (*Note, Verbalnote, Konzeption, Artikel usw.*);
4. Термины, обозначающие процедуры в дипломатической практике (*akkreditieren, abberufen, bestellen, Beglaubigungsschreiben*);
5. Термины дипломатического протокола (*Sitzordnung, Tischordnung, Empfang usw.*);
6. Консульская терминология.

При этом консульская терминология исследователями рассматривается как самостоятельная терминологическая система, функционирующая в языке наряду с дипломатической. Обусловлен данный факт существованием особого института консульской службы, образованный в соответствии с нормами международного права (Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года).

Так, для консульской терминологии характерно аналогичное деление на подсистемы:

1. Названия должностных лиц, консульские ранги: (*Konsul, Generalkonsul, Vizekonsul usw.*);
2. Наименования консульских представительств (*Konsularabteilung, Konsulat, konsularische Vertretung usw.*);
3. Названия документов (*Visum, Exequatur, Ernennungsschreiben usw.*);
4. Лексика из консульской практики (*konsularischer Schutz, Konsulargericht, Konsulargebühr usw.*).

В языке дипломатии наблюдается функционирование терминов из других сфер общественной жизни, то есть дипломатические термины связаны с лексикой общеупотребительной. Для системы дипломатической терминологии характерна полисемантичность: термин принимает определенное значение в языке дипломатии только при его употреблении в определенном контексте. Н.Л. Консантинова (1999) называет такое явление семантической конверсией, то есть терминологизацией слов общелитературного языка. В качестве примера выступает терминология этикетной лексики: *Frühstück (завтрак), Tischordnung (порядок раскладки за столом), Protokoll (протокол), Verordnung (положение)* не являются сами по себе терминами. Терминологическую составляющую данные лексемы приобретают только при использовании их в дипломатическом протоколе.

М.Д. Степанова (Степанова 1968 : 234) приводит классификацию дипломатических терминов современного немецкого языка, которые, по мнению автора, делятся на простые, производные и сложные.

К простым терминам относятся словообразующие наименования или корневые слова: *Diplom, Visum, Attache, Protokoll, Konsul.*

В простых производных словообразованиях с суффиксальным образованием можно выделить такие термины, как: *Diplomat, Diplomatie, Konsulat.*

Сложные термины или композиты представлены следующим рядом словообразований, созданных путем словосложения: *Diplomatenpass,*

Diplomatenausweis, Dollardiplomatie, Geheimdiplomatie; Einreisevisum, Ausreisevisum, Durchreisevisum; Militärattache, Presseattache, Luftattache; Protokollabteilung.

Характерным элементом лексической системы языка дипломатии является использование аббревиатур.

Например:

«6-13 февраля в нарушение «Комплекса мер» и Дополнения к нему наблюдатели обнаружили 63 единицы вооружений **ВСУ**, включая **РСЗО** в Аслановом, Доброполье и Куликовском...» (*Текст 2 из Приложения 2*).

Стремительное развитие международных отношений, изменение внутривластных режимов, позиций государств на внешнеполитической арене, изменение геополитической ситуации приводят, в том числе, к появлению новых лексических единиц в дипломатическом языке. Так, за последние пару лет в языке дипломатии зародились такие терминологические единицы, как: *санкции, угроза санкциями, сепаратист, лавина беженцев, антироссийская пропаганда и многие другие.*

Например:

«Aber wir müssen auch wissen: Noch so lautstarke Pressestatements oder **Sanktionsandrohungen** helfen niemanden, keinem Kind, keiner Mutter, keinem Vater, keinem Kranken oder Verletzten, der in Aleppo Brot oder medizinische Versorgung braucht.» (*Текст 12 из Приложения 2*).

«Viele bezeichnen das in ihren Kommentaren auf den Webseiten der Medien direkt als **russlandfeindliche Propaganda** ...» (*Текст 16 из Приложения 2*).

Международные отношения охватывают несколько областей отношений. Как следствие, мы встречаем термины из других сфер.

Х.А. Саидов называет такой эффект «дублированием терминов».

Так, в исследуемом в настоящей работе материале можно выделить термины из:

1. Военной сферы (*режим прекращения боевых действий (Waffenstillstand), разворачиваться к конфронтации (einen Konfrontationskurs aufnehmen), отвод вооружений (Rückkehr der Waffen)*);
2. Юриспруденции (*являться гарантами договоренностей (Garanten der Vereinbarungen auftreten), уголовно-правовой инструмент (strafrechtlicher Instrument)*);
3. Экономики (*экономический мост (wirtschaftliche Brücke), санкции (Sanktionen), политические и коммерческие дивиденды (politische und kommerzielle Dividende)*);
4. Собственно дипломатические термины (*посол (Botschafter), саммит (Gipfel)*).

Устная дипломатическая деятельность выражена менее официальным способом, что обусловлено определенными законами построения речевой коммуникации. Одни и те же термины могут по-разному употребляться как в речевой коммуникации, так и в письменном изложении.

Например: «посол» в устной речи требует полного наименования ранга дипломата в письменных текстах – «чрезвычайный и полномочный посол» и др.)

Как упоминалось ранее, стилистическими особенностями дипломатической коммуникации являются клишированность речевых конструкций, которые находят свое отражение в использовании стандартизированных речевых оборотов, языковых штампов, то есть типичных лексических единиц характерных для определенной сферы коммуникации. Клише подразумевает стандартные образцы словоупотребления, типовые схемы словосочетаний и синтаксических конструкций, а также общие модели речевого поведения в конкретных ситуациях. Клишированность текстов и речей дипломатического подстиля выражается в использовании протокольных форм уважения или шаблонов,

использовании начальных и конечных формулировок, которые используются в качестве элементов композиционного построения речи дипломатов. Например: *подробный обмен мнениями (vertiefter Meinungs austausch), obstructионистская позиция (die Obstruktionsposition), с удовлетворением констатировали, что... (wir stellten zufrieden fest, dass...), переговоры в духе стратегического партнерства (die Verhandlungen im Sinne strategischer Partnerschaft).*

Штамп воспринимается скорее как «шаблон».

Использование штампов в речи дипломатов проявляется в формальности выражения, неличном, неэмоциональном характере дипломатической коммуникации. При этом важно отметить, что, в русском и немецком языках устойчивые выражения зачастую не совпадают. То есть, клише, употребляемые в речи российскими дипломатами, при переводе на немецкий язык могут терять свою коннотацию. Т.А. Волкова для обозначения клише и штампов вводит понятие «дискурсивной формулы», примером которой в дипломатических текстах служат клишированные термины и номенклатурные наименования из области международного права, экономики и других сфер деятельности.

Э.Г. Ризель (Ризель 1959 : 425) по отношению к официально-деловому стилю подразделяет языковые средства клиширования на: слова-клише, клишированные фразеологические единицы и предложения-клише. Применительно к дипломатическому языку следует упомянуть и о клишированной структуре, или шаблонности, построения всех без исключения речей представителей внешнеполитического ведомства.

Примером могут служить глагольные словосочетания:

zu Kenntnis nehmen, in die Tat umsetzen, а также другие устойчивые словосочетания-клише: *im Hinblick auf, auf dem Verhandlungswege* и другие.

Для устной формы дипломатического подстиля, как отмечает Е.М. Иссерлин (Иссерлин 1966: 12), характерно использование метонимии по отношению к названиям государств и внешнеполитических ведомств

(«Белый дом», «Кремль» и т.д.). Д.Э. Розенталь (Розенталь 1974: 39) отмечает, что такие формы метонимии характерны для языка прессы. Например: *призывы Белого дома (Aufrufe des Weißen Hauses)*, *поведение Администрации Б. Обамы (das Verhalten der Administration von Barack Obama)*, *шаги Вашингтона (Schritte Washingtons)*, *дееспособная и решительная ОБСЕ (eine funktionierende und entschlossene OSZE)*.

Отметим, что устная форма дипломатической деятельности (к ней относятся, в первую очередь, официальные заявления Министерства иностранных дел, выступления дипломатических представителей, переговоры, пресс-конференции и пресс-подходы) подвержена чуть меньшей нормированности по сравнению с письменной формой дипломатической коммуникации.

Следует отдельно остановиться на использовании лексико-семантической группы глаголов в дипломатических текстах.

Н.В. Золотарева (1999) применительно к дипломатическому подстилю выделяет следующие глагольные классы:

- глаголы речевого общения (интеллектуальная деятельность, эмоциональное состояние, согласие и т.д.)
- глаголы речевого обращения (просьба, привлечение внимания и т.д.)
- глаголы речевого воздействия (осуждение, просьба, побуждение к действию, требование, эмоциональная оценка и т.д.)
- глаголы речевого сообщения (выражение мысли, доведение до ведения, несогласие, осуждение и т.д.)
- глаголы характеризованной речевой деятельности (норма произношения, передача звуков и т.д. – крайне редко встречается в дипломатических документах).

Такие стилевые черты дипломатического подстиля, как: сдержанность, корректность, тактичность и вежливость могут проявляться при использовании эвфемизмов. Во избежание привнесения негативной оценки происходящих событий, обострения международной обстановки,

а также ввиду следования нормам дипломатического этикета и общекультурных правил, дипломатические тексты зачастую подлежат эвфемизации. Иными словами, эвфемизацию в данном смысле можно назвать политической корректностью.

Например:

«Зафиксировали, что нынешний этап в наших отношениях и в международной ситуации не самый спокойный». (*Текст 9 из Приложения 2*).

«Это не может не вызывать озабоченности». (*Текст 6 из Приложения 2*).

4. Перевод в дипломатической сфере

Одной из центральных задач теории перевода является выбор переводчиком языковых средств, стратегий и приемов. Успешный результат, то есть готовый корректный, адекватный текст на языке перевода, зависит во многом от выбранных переводческих стратегий, знаний переводческих практик и методов перевода, а также умений их применять на практике.

Под переводом понимается наиболее точное воспроизведение знаковых единиц исходного языка в языке перевода. Совокупность профессиональных переводческих приемов учеными трактуется как техника перевода.

Т.А. Казакова (Казакова 2001 : 14-16) выделяет среди способов перевода перевод семантический и коммуникативный. Семантический перевод заключается в максимально полной передаче контекстуального значения в языке перевода. Согласно автору, в семантическом переводе встречаются две переводческие стратегии: стратегия, ориентированная на способ выражения исходного текста в языке перевода, и стратегия, ориентированная на сохранение исходной формы выражения. Семантический перевод в большей степени ориентирован на сохранение специфики и особенностей знаков исходного текста, на документы, которые на языке оригинала являются уникальными, но при этом созданы в виде параллельных текстов на разных языках (языках перевода). Коммуникативный способ перевода

в большей степени нацелен на передачу воздействия на получателя, чем на сохранение знаковых черт исходного текста. Составляющей коммуникативного способ перевода является прагматика реципиента. Т.А.Волкова выдвигает предположение, что перевод документов, являющихся результатами дипломатической деятельности, представляет собой соединение семантического перевода и коммуникативного с большим преобладанием первого. Таким образом, переводчик стремится к адекватной передаче исходного текста с элементами прагматического воздействия. Безусловно, переводческая стратегия, или тип перевода, зависит и от типа текста документов дипломатической деятельности.

Согласно В.Н. Комиссарову, в основе общей стратегии переводчика лежит стремление к максимальному пониманию переводимого текста и нахождения эквивалентного значения в языке перевода. К стратегическим принципам переводчика автор относит стремление к нахождению лучшего варианта в языке перевода. Факторами, определяющими переводческую стратегию, являются цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого рецептора перевода (Комиссаров 2002 : 114).

Х. Крингс в переводческом процессе выделяет два типа переводческих проблем: проблемы понимания и проблемы передачи смысла. Стадии перевода автор представляет нам в следующей последовательности: предпереводческий анализ текста (Vorlauf), перевод (Hauptlauf) и постпереводческая обработка текста (Nachlauf) (Крингс 1986).

В отличие от Х. Крингса И.С. Алексеева этапы переводческого процесса представляет так:

- 1) предпереводческий анализ;
- 2) аналитический вариативный поиск;
- 3) анализ результатов перевода (Алексеева 2001 : 144).

В процессе перевода следует учитывать не только языковые особенности исходного текста, но и его экстралингвистические факторы,

в том числе, дискурсивность. Дискурсивность в переводе выражается в обращении к особенностям коммуникации, ее типовым свойствам. Так, в процессе перевода переводчик должен учитывать лингвистические особенности исходного текста, а также понимать коммуникативные стратегии исходного текста.

Выполняя дипломатический перевод, переводчику следует отчетливо понимать, в контексте какого события составлен документ на языке оригинала, а также знать позицию государства по тем или иным вопросам внешней политики – то есть обладать широким кругом экстралингвистических знаний.

Т.А. Волкова на этапе предпереводческого анализа текста выделяет следующие стратегии перевода:

- генеральная стратегия перевода (стремление к полноте понимания исходного текста);
- гиперстратегии перевода (непосредственно процесс перевода);
- макростратегии перевода (уровень дискурса и коммуникации).

На данном этапе переводчик учитывает характерные дискурсивные черты;

- микростратегии перевода (уровень текста, то есть перевод текста с учетом лексических, стилистических, синтаксических и других особенностей).

Перевод официального текста должен передавать смысл оригинала в максимально близкой к оригиналу форме. Корректность перевода определяется в знании переводчиком языка оригинала и языковых реалий. Перевод заключается в воспроизведении на языке рецепторе наиболее близкого естественного эквивалента исходного сообщения с точки зрения значения и стиля.

Вопрос лексической эквивалентности в переводе дипломатических текстов занимает главенствующую роль, так как основной задачей переводчика является точная передача значения языковых единиц.

Точность при переводе текстов дипломатической деятельностью носит приоритетный характер. Особого внимания переводчика применительно к текстам дипломатической коммуникации заслуживает перевод должностей, международных организаций и «дискурсивных формул». В случае отсутствия точного языкового инварианта лексемы в языке перевода переводчик прибегает к использованию парафразы, заимствования или калькирования.

Выводы по первой главе

В первой главе настоящего исследования нами была рассмотрена дипломатическая коммуникация в аспекте дискурсивности. Дипломатический дискурс представляет собой явление, отражающее способ осуществления международных отношений на уровне языковых единиц.

Для дипломатического дискурса характерна институциональность, которая проявляется в многополярном характере международного взаимодействия, стремлении к сотрудничеству и интеграции. Ядром дипломатического дискурса выступают участники дипломатической коммуникации, которые нацелены на решение задач в области внешнеполитических сношений в соответствии с целями, определенными в Концепции внешней политики государства, а также нормами международного права.

Дипломатический язык как элемент дипломатического дискурса является строго регламентированным и фиксированным.

Нами была рассмотрена концепция типов текстов, в результате которой были выделены группы (типы) дипломатических документов. Типы текстов различаются в зависимости от цели коммуникации. Соответственно, стилевые черты могут меняться в зависимости от типа текста в дипломатическом дискурсе.

Дипломатическим документам характерна функция долженствования и официальности при подаче материала. Долженствование в дипломатической практике проявляется как в императивности, так и в рекомендательном характере коммуникации. Функция рекомендательности в речи дипломатов реализуется при помощи таких

языковых средств, как безличные конструкции, модальные глаголы с оттенком долженствования, а также через сослагательное наклонение.

В результате рассмотрения лексико-стилистических особенностей дипломатической коммуникации нами были выделены стилевые черты дипломатического подстиля. Так, дипломатическому стилю характерно:

- Точность, выражающаяся в использовании терминологии;
- Употребление дипломатических штампов и клише;
- Традиционность средств выражения;
- Использование сокращений и аббревиатур.

Стилю дипломатической коммуникации и, соответственно, дипломатических документов характерны официальность, объективность, имперсональность, стандартность формы выражения, строгая формальность и структурированность выражения, логичность, соблюдение протокольных формул вежливости, императивность, смысловая ясность и точность.

На лексическом уровне особенности дипломатических документов проявляются в использовании эвфемизмов, аббревиатур, протокольных формул, дипломатических терминов из юридической, экономической и военной сферы. Характерным признаком дипломатической коммуникации является строгое соблюдение дипломатической этики.

Устная дипломатическая коммуникация, по итогам исследования высказываний, интервью и комментариев дипломатов, построена на использовании отточенных формулировок, стандартизированных клише, стереотипных выражений и терминологической лексики.

Вопрос с безличностью (имперсональность) и неэмоциональностью в устной речи дипломатов остается спорным. Избыточная и ярко-выраженная эмоциональная экспрессивность, которая находит свое отражение в брифингах официального представителя МИД России Марии Захаровой, выходит на первый план коммуникации в острых темах по линии международного сотрудничества. Экспрессия проявляется в речи дипломатов

на лексическом уровне в использовании разговорных оборотов речи, идиоматических выражений, крылатых фраз, слов из разных языковых регистров.

ГЛАВА II

В данной главе предметом нашего рассмотрения являются лексические модификации и стилистические особенности, возникающие при переводе текстов дипломатической коммуникации.

В процессе исследования нами были изучены:

- Брифинги официального представителя МИД России М.В. Захаровой за период с 2014 по настоящее время (май 2017) на языке оригинала и перевода в количестве 150 единиц;
- Выступления и пресс-конференции Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на языке оригинала и перевода в количестве 40 единиц;
- Новости по теме «Ситуация на Украине», опубликованные на сайте МИДа России на русском и немецком языках в количестве 200 единиц;
- Новости по теме «Ситуация на Украине», «Ситуация в Сирии», опубликованные на сайте МИДа Германии, на языке оригинала в количестве 200 единиц;
- Интервью и речи бывшего Министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера на языке оригинала и в переводе в количестве 40 единиц;
- Интервью и речи Министра иностранных дел Германии З. Габриэля на языке оригинала и в переводе в количестве 40 единиц.

Совокупный объем исследуемых текстов из сферы дипломатической коммуникации составил **670 единиц** на языке оригинала и в переводе.

В практической части исследования нами были выбраны наиболее интересные примеры из комплекса проанализированного материала, отражающие особенности перевода.

2.1. Лексико-семантические трансформации в переводе

Среди лексико-семантических модификаций единиц языка в переводе текстов дипломатической коммуникации можно выделить следующие группы переводческих особенностей:

1. Точный перевод лексической единицы с языка оригинала на язык перевода.

Например:

- (1) «Der **Krisenmodus** scheint der aktuelle Aggregatzustand der Welt zu sein». – «Кажется, что **кризисный режим** в данный момент является агрегатным состоянием, в котором находится наш мир» (*текст 1 из Приложения 2*).
- (2) «Diese **Konfliktherde** – so unterschiedlich sie auch im Einzelnen sein mögen...» - «Эти **очаги конфликтов** – какими бы разнообразными они ни были в каждом конкретном случае...» (*там же*).
- (3) «Это позволило значительно сократить динамику жертв **карательной операции**, предотвратить крупномасштабные военные действия». – «Dies ermöglichte einen bedeutenden Abbau der Dynamik der Opfer der **Strafoperation**, Verhinderung von großangelegten Militärhandlungen» (*текст 2 из Приложения 2*).
- (4) «Позиция правительства к этой ситуации остается неясной, также как и отношение центральных властей к «**добровольческим батальонам**», которые зачастую виновны в провокациях на линии соприкосновения». – «Die Position der Regierung zu dieser Situation bleibt unklar, wie auch das Verhalten der zentralen Behörden zu den „**Freiwilligen-Bataillonen**“, die oft für Provokationen an der Trennlinie verantwortlich sind» (*там же*).
- (5) «Происходящее является прямым результатом **политики попустительства** со стороны тех западных политиков и европейских структур...» – «Diese Vorfälle sind das direkte Ergebnis der

Duldungspolitik durch jene westlichen Politiker und europäischen Strukturen...» (текст 18 из Приложения 2).

- (6) «Die Chancen, die sich bieten, aus der **Spirale der Gewalt** auszubrechen, dürfen nicht mutwillig drangegeben werden». – «Нельзя преднамеренно упускать шанс вырваться из **спирали насилия**» (текст 4 из Приложения 2).

Следует отметить, что для немецкого языка характерно образование лексических единиц путем словосложения. В немецком дипломатическом языке большая часть терминов и общеупотребительных лексем представлена в форме сложносоставных субстантивных композитов. При этом трансформация в русском языке таких сложносоставных слов происходит через употребление словосочетаний, точно передающих семантику исходных композитов. На грамматическом уровне такие словосочетания, как правило, состоят из связки «имя прилагательное + имя существительное» либо «имя существительное + имя существительное».

2. Перевод устоявшихся языковых единиц с частичным изменением содержания исходной лексической единицы.

К данной категории относится такой вид трансформации в переводе, при которой один из элементов словосочетания переводится с учетом свойственных переводящему языку устойчивых выражений.

Например:

- (7) «Но не мы перекрыли практически все остальные каналы **секторальных диалогов**». – «Aber nicht wir waren diejenigen, die praktisch alle anderen Wege für **themenbezogene Dialoge** blockierten» (текст 5 из Приложения 2).

- (8) «В этой связи обратили внимание наших партнеров на востребованность взаимодействия по линии диалоговых **секторальных форматов**, работа которых была заморожена по инициативе Брюсселя». – «In diesem Zusammenhang machten wir

unsere Partner auf die Wichtigkeit der **branchenbezogenen Kooperation**, die auf Brüssels Initiative auf Eis gelegt wurde» (*там же*).

Русскоязычное прилагательное «секторальный» при переводе на немецкий язык приобретает два значения – *branchenbezogen* (*узконаправленный, узкоспециализированный*) и *themenbezogen* (*тематический*). При этом определение *секторальный* к слову *диалог* имеет соответствующий эквивалент в немецком языке – *sektoral*, которое словарь толкует как «den Sektor betreffend, zu ihm gehörend» (относящийся, принадлежащий к сектору). Существительное *Sektor* переводится как отрасль, область, то есть фактически соответствует исходной лексеме *секторальный*. К тому же, в немецком языке встречается устойчивое словосочетание *sektorale Dialoge*, например, в тексте о внешней политики Эфиопии, опубликованном на официальном сайте МИДа Германии (*текст 21 из Приложения 2*).

(9) «На международной площадке ими были использованы все возможные рычаги, чтобы усложнить жизнь нашим **экономическим операторам**, да и в целом российской экономике». – «In der internationalen Arena nutzte es alle Hebel, um das Leben unseren **Wirtschaftsobjekten** und der russischen Wirtschaft im Ganzen zu erschweren» (*текст 6 из Приложения 2*).

Отметим, что при дословном переводе немецкоязычный композит *Wirtschaftsobjekte* переводится как «объекты экономической деятельности», при этом акцент делается на предприятия как объекты экономической деятельности, представляющие определенные стороны экономических интересов. В исходном языке «экономический оператор» обозначает юридическое лицо, осуществляющее ввоз и вывоз товаров при осуществлении экономической деятельности. Возможно, в данном случае переводчику следовало бы употребить термин «*Wirtschaftsbeteiligte*».

(10) «В целом, по всему **комплексу двусторонних отношений** с США и нашего взаимодействия по крупным региональным вопросам есть надежда на восстановление соответствующего уровня контактов

и сотрудничества с Вашингтоном». – «Im Allgemeinen besteht im Hinblick auf den ganzen **Komplex unserer Beziehungen** mit den USA im Kontext wichtiger regionaler Fragen die Hoffnung auf die Wiederherstellung des früheren Kooperationsniveaus mit Washington». (*там же*).

В данном случае переводчиком используется замена прилагательного *двусторонний* на притяжательное местоимение *unser*. Объяснить такой выбор переводчика лексической замены не представляется возможным ввиду того, что в немецком языке существует точный перевод устойчивого выражения *комплекс двусторонних отношений* – *Komplex bilateraler Beziehungen*.

(11) «Особенно усердствуют в этом «нусровцы», их **мобильные отряды** преимущественно в ночное время обстреливают позиции участников РПБД, сталкивая их, таким образом, друг с другом». – «Besonders aktiv ist dabei die al-Nusra, ihre **mobilen Einheiten** beschossen vorwiegend in der nächtlichen Zeit die Stellungen der Teilnehmer des Waffenstillstandes und stoßen sie damit aufeinander» (*там же*).

Лексическая замена номинации *отряд* в исходном языке на *Einheit* в языке перевода может быть обусловлена правилом нейтрализации исходной лексической единицы в целях приглушения слова в контексте.

3. Перевод с расширением исходной лексической единицы.

(12) «Wird **Deutschland** das Projekt in Brüssel unterstützen?» – «Будет ли **правительство Германии** поддерживать его в Брюсселе?» (*текст 7 из Приложения 2*).

В данном случае перевод выполнен с использованием метонимической замены, расширяющей значение исходной единицы *Deutschland*. Подобного рода замена встречается довольно часто и кажется нам логичной. *Правительство Германии* - более корректное наименование группы людей, которые будут оказывать поддержку проекту, чем *Германия*.

(13) «Hat die Bundesregierung **dafür Beweise?**» – «Есть ли у правительства ФРГ **конкретные доказательства таких фактов?**» (*там же*).

(14) «In Russland glaubt man, der Westen beginne zu realisieren, dass die Umsetzung zumindest des politischen Teils von Minsk an Kiew hakt. Wie sehen Sie die wachsenden Spannungen **an der Kontaktlinie?**» – «Как вы оцениваете растущую напряженность **на линии соприкосновения в Донбассе?**» (*там же*).

(15) «... Dazu gehören innovative Dialogformate, aber auch ein bewusster Verzicht auf ritualisierten **Schlagabtausch**». – «...К ним относятся инновационные форматы диалога, а также осознанный отказ от уже ставших ритуальными **словесных дуэлей**» (*текст 1 из Приложения 2*).

Исходный композит Schlagabtausch, который дословно переводится как *обмен ударами*, приобретает в контексте дипломатического языка расширенное лексическое значение ввиду наличия в языке перевода устойчивого словосочетания *словесная дуэль*. Также вариантами перевода исходной лексемы на русский язык могут быть «обмен колкостями» или *словесный поединок*.

(16) «Auf meinen Reisen in die **Krisenherde** im OSZE-Raum habe ich erlebt, über welch reichen Erfahrungsschatz unsere Organisation verfügt – von der Konfliktverhütung über das Krisenmanagement bis hin zur Konfliktnachsorge». – «Позвольте мне затронуть еще один, последний аспект: во время моих визитов в «**горячие точки**» на пространстве ОБСЕ я видел, каким богатым опытом располагает ОБСЕ – от предотвращения конфликтов и урегулирования кризисов до постконфликтной стабилизации» (*там же*).

Исходный немецкоязычный композит при дословном переводе имеет значение «очаг кризиса», которое в русском языке скорее характерно для употребления в экономической и политической сферах. В данном высказывании переводчик использует прием расширения исходного значения,

который связан с эквивалентным восприятием исходного текста в русском языке. При обратном переводе словосочетание *горячие точки* уместнее было бы перевести композитом *Gefahrenherd*. Составной элемент *Gefahr* (опасность, риск) более близок по контекстуальному значению по сравнению со словом *Krise* (*кризис*).

На примере вышеприведенных переводов высказываний дипломатов можно сделать вывод о том, что расширение значения происходит ввиду того, что слово в языке перевода обладает большей степенью информационной неопределенности. Тактика перевода с использованием лексического расширения исходной единицы текста обусловлена задачей большей информированности реципиента о той ситуации, в контексте которой выполнен перевод.

4. *Описательный перевод (несовпадение значений лексических единиц).*

(17) «Киев, **потакая** экстремистам, блокировавшим железнодорожное сообщение с регионом, сам создал искусственные проблемы для нормального функционирования этих экономических объектов». – «Kiew zeigt **Nachsicht gegenüber Extremisten**, die den Eisenbahnverkehr mit der Region blockierten, und schuf selbst künstliche Probleme für ein normales Funktionieren dieser Wirtschaftsobjekte» (*текст 20 из Приложения 2*).

Прием описательного перевода зачастую используется в тех случаях, когда в языке перевода отсутствуют нужные понятия, или при несовпадении структур исходного языка с языком перевода на грамматическом уровне.

В данном примере переводчик использовал прием описательного перевода, заменив исходное деепричастие *потакая* на устойчивое в немецком языке словосочетание *zu viel Nachsicht zeigen*.

(18) «Und auch mein Vorschlag für einen dringend benötigten **Neustart** in der konventionellen Rüstungskontrolle ist auf breite Zustimmung gestoßen». – «Кроме того, сделанное мной предложение относительно

срочно необходимого **пересмотра принципов** контроля над обычными вооружениями нашло широкое одобрение» (*текст 1 из Приложения 2*).

В данном случае описательный перевод, применимый к немецкоязычному существительному *Neustart*, обусловлен устоявшимся словосочетанием *пересмотр принципов*, характерного для языка российской дипломатии.

(19)«Рассчитываем, что партнеры Украины окажут должное влияние на Киев с тем, чтобы заставить его отказаться от попыток взять военный реванш в Донбассе и **поставить крест** на Минских соглашениях». – «Wir rechnen damit, dass die Partner der Ukraine einen gehörigen Einfluss auf Kiew ausüben, damit es dazu bewegt wird, auf die Versuche zu verzichten, eine militärische Revanche im Donezbecken zu organisieren und die Minsker Abkommen zu **untergraben**» (*текст 17 из Приложения 2*).

В данном случае описательный перевод инфинитивного оборота *untergraben* выполнен с целью привнесения дополнительной эмоциональности в высказывание. Также словосочетание «поставить крест на соглашениях/договоренностях» в русском языке является фразеологизмом.

(20)«Alle, und gerade die internationalen Akteure, müssen **das Ihrige** dazu tun». – «Все, и в первую очередь международные игроки, должны сделать **всё, что от них зависит**» (*текст 7 из Приложения 2*).

(21)«Что предлагает Россия Западу в нынешних условиях, когда продолжается дискуссия по поводу продления **антироссийских санкций?**» – «Was schlägt Russland dem Westen unter den heutigen Bedingungen vor, wo die Diskussion hinsichtlich einer Verlängerung der **Russland-Sanktionen** anhält?» (*Текст 11 из Приложения 2*).

В данном случае при переводе мы наблюдаем опущение элемента лексемы с сохранением эквивалентности единицы. В русском языке словообразовательная приставка *анти-* образует слова со значением

«против». При этом в немецкоязычном варианте перевода словосочетания *Russland-Sanktionen* вышеупомянутое значение выражено имплицитно.

5. Перевод с сужением значения (с опущением исходной лексической единицы).

Например:

(22) «Налицо **фактическая реквизиция объектов**, которые являются российской государственной собственностью и обладают дипломатическим иммунитетом». – «Es liegt **die Requirierung der Objekte** auf der Hand, die das russische staatliche Eigentum sind und über diplomatische Immunität verfügen» (*там же*).

(23) «К основным причинам такой катастрофической ситуации миссия относит повреждения критических объектов инфраструктуры в результате обстрелов, а также введенные украинскими властями **ограничения на свободу перемещения грузов и воды** через линию соприкосновения в зоне конфликта». – «Zu den wichtigsten Gründen dieser katastrophalen Situation zählt die OSZE-Mission die Beschädigung von wichtigen Infrastrukturobjekten bei Artillerieangriffen sowie die von den ukrainischen Behörden verhängten **Beschränkungen der Güter- und Wasserbeförderung** über die Trennungslinie im Konfliktraum» (*текст 19 из Приложения 2*).

При переводе на немецкий язык теряется лексема *свобода*. Производное отглагольное существительное *Beschränkung* толкуется как «ограничение», при этом в сферах применения глагола *beschränken* нет отсылки к ограничению свободы. Словарь приводит следующие значения и выражения, связанные с исходным глаголом:

1. *einschränken, begrenzen, einengen*

Beispiele: jemandes Rechte, jemanden in seinen Rechten beschränken, den Import beschränken, seine Ausgaben auf das Nötigste beschränken, die Zahl der Studienplätze ist beschränkt, unsere Mittel sind beschränkt, wir sind räumlich sehr beschränkt (*haben wenig Platz*), beschränkte (*ärmliche*) Verhältnisse;

2. *sich mit etwas begnügen*

Beispiele: ich beschränke mich auf das Wesentliche, wir müssen uns beschränken (*einschränken*);

3. *sich erstrecken, gültig sein*

Beispiel: diese Regelung beschränkt sich auf Bedürftige.

Изучив области применения рассматриваемого глагола *beschränken*, мы можем заключить, что при переводе на немецкий язык семантика выражения частично теряется.

(24) «Нынешнее руководство «алес», его нет». – «Die aktuelle Führung ist nicht mehr da» (*текст 6 из Приложения 2*).

В данном случае употребление транслитерированного немецкого местоимения обусловлено желанием русского оратора привнести дополнительную эмоционально-оценочную окраску в речевое высказывание. Отсутствие данного местоимения в переводе на немецкий представляется вполне логичным, так как фраза *Die aktuelle Führung ist alles, ist nicht mehr da* по-немецки не имела бы смысла. Кроме того, за счёт опущения данного элемента происходит нейтрализация немецкого текста, из которого исчезает элемент просторечия, возникающий в русском языке благодаря наличию транслитерированного *алес*.

(25) «Стоит ли говорить, что на этот раз официальных запросов по линии **компетентных ведомств...**» – «Ich muss mitteilen, dass wir wieder keine Antworten auf unsere offiziellen Anfragen an die **Behörden...**» (*Текст 6 из Приложения 1*).

В данном случае в переводе теряется определение *компетентные* к определяющему слову *ведомства*, выполняющее ограничивающую функцию лексического значения речевой единицы, а именно: сужение круга органов государственной власти до минимального количества ведомств, в ведении которого находятся обсуждаемые в контексте вопросы.

В другом случае лексическая единица *Behörde* будет употреблена для обозначения лексемы *Киевская власть*: «**Киевской власти** нужно

поддерживать в Донбассе постоянное напряжение и периодически устраивать провокации...» – «Die **Behörden in Kiew** müssen ständig Spannungen im Donezbecken provozieren...» (текст 2 из Приложения 2). «Позиция правительства к этой ситуации остается неясной, также как и отношение **центральных властей** к «добровольческим батальонам» – «Die Position der Regierung zu dieser Situation bleibt unklar, wie auch das Verhalten der **zentralen Behörden** zu den „Freiwilligen-Bataillonen“...» (там же).

Следует отметить, что при анализе перевода текстов брифингов официального представителя МИД России Марии Захаровой обращает на себя внимание тот факт, что зачастую в языке перевода происходит опущение определенного набора фразовых единиц или целых предложений.

Например:

(26)«В СМИ и соцсетях кто-то усмотрел в этом бесчеловечном акте «российский политический след» **и не побрезговал прямыми глумлениями над произошедшем**». – «In den Medien und Sozialen Netzwerken sahen einige in diesem unmenschlichen Akt eine „russische politische Spur“» (текст 13 из Приложения 2).

(27)«Писать такие вещи просто отвратительно. Наверное, стоит ожидать, что эти СМИ пойдут еще дальше, и каждый раз будут анализировать не только гражданство людей, которые погибли в ходе террористических атак, но их национальность. **Даже то, что я процитировала – это уже дно. Дальше некуда.** Автор статьи прямо признает правомерность наличия таких «двойных стандартов»». – «Solche Sachen zu schreiben, ist einfach abstoßend. Anscheinend werden diese Medien noch weiter gehen und jedes Mal nicht nur die Staatsbürgerschaft der Menschen analysieren, die während der Terroranschläge ums Leben kamen, sondern auch ihre Nationalität. Der Verfasser des Artikels gibt die Berechtigung solcher Doppelstandards zu» (там же).

(28)«Огорчают даже не действия террористов (от террористов иных поступков ожидать мы не можем), а огорчает позиция ряда международных и региональных партнеров, которые вместо решительного осуждения просто выгораживают «Аль-Каиду» и все так или иначе аффилированные с ней структуры, проявляют готовность поддержать любые оправдания и **вбросы адептов терроризма**, чтобы выступить с обвинениями в адрес сирийского правительства, абсолютно не заботясь о фактах и их проверке». – «Trüblich sind vor allem nicht die Handlungen der Terroristen (von Terroristen ist nichts anderes zu erwarten), sondern die Position mehrerer internationaler und regionaler Partner, die statt einer entschlossenen Verurteilung, al-Qaida und die mit ihr verbundenen Strukturen schützen, die Bereitschaft zeigen, jede Rechtfertigungen und Einwürfe zu unterstützen, um Vorwürfe gegen die syrische Regierung vorzulegen, ohne sich um Fakten und ihre Prüfung zu kümmern» *(там же)*.

(29)«В чем причина этих симпатий, удивительной степени доверия, которую в Лондоне, Париже, Брюсселе питают к этим бандитам, **уголовникам**, медийным авантюристам, которые распространяют некие свидетельства, на которых западный мир строит свою доказательную базу, понять невозможно». – «Worin der Grund solcher Sympathien, eines unglaublichen Vertrauensniveaus besteht, das London, Paris, Brüssel gegenüber diesen Banditen, Medien-Abenteurern zeigt, die irgendwelche Beweise verbreiten, auf die die westliche Welt ihre Beweisbasis aufbaut, ist unmöglich, zu verstehen» *(там же)*.

(30)«Помимо всего прочего, хотелось бы сказать, что, **конечно, это действие, «перфоманс»**, является прямым подстегиванием к дальнейшей политической дестабилизации в Сирии». – «Zudem will man betonen, dass diese Handlungen die weitere politische Destabilisierung in Syrien fördern» *(там же)*.

Из вышеперечисленных примеров мы видим, что отсутствующие элементы в исходном языке имеют ярко-выраженную эмоциональную окраску негативного или скорее агрессивного содержания. Отсутствие перевода исходных речевых единиц продиктовано, на наш взгляд, стремлением переводчика «сгладить острые углы» в речи представителя внешнеполитического ведомства. Таким образом, получается, что стилистически окрашенная речь дипломатов в исходном языке не соответствует уровню эмоциональной окраски в переводе. В связи с этим, возникает вопрос: имеет ли переводчик право на такого рода «умолчания» в тексте? Согласно И.С. Алексеевой, в процессе перевода переводчик должен передать инвариант исходного текста на языке перевода в максимальной мере при помощи профессиональных компетенций (Алексеева 2004 : 30).

С одной стороны, ключевым принципом переводчика является транспарентность перевода и точная передача смысла посылаемого адресатом исходного текста. В таком случае отсутствие перевода элементов исходного текста может быть воспринято как ошибка переводчика или его некомпетентность. Следует отметить, что речь идет о письменном переводе, в котором просто недопустимы смысловые потери. С другой стороны, на переводчике дипломатических документов лежит определенная ответственность, связанная с представлением государственных интересов. Ведь дипломат, как мы уже отмечали ранее, представляет интересы государства и одновременно поддерживает его имидж на международной арене.

Рассмотрев примеры лексических трансформаций в переводе, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными приемами перевода лексических единиц в речи дипломатов является перевод с сужением значения исходной лексической единицы или опущением. Сужение происходит за счет устоявшихся языковых единиц в языке перевода. Связано это с тем, что дипломатическому языку, как уже отмечалось, в большей степени характерно использование устойчивых лексических единиц, которые

образуют дипломатический глоссарий, как в исходном языке, так и в языке перевода.

2.1. Особенности перевода стилистически-окрашенных единиц в текстах дипломатической коммуникации

Ярко-выраженная эмоциональность, вовсе не свойственная стилю дипломатических документов, эпизодически находит свое проявление в устной дипломатической коммуникации. Наиболее ярко этот феномен выражен в высказываниях и дискуссиях на острые внешнеполитические темы: в первую очередь, в вопросах, затрагивающих проблематику положения дел в Сирии и на Украине.

В данном разделе обратимся к переводу стилистически окрашенных единиц, встречающихся в дипломатических текстах. Среди особенностей перевода стилистически-окрашенных единиц мы выделили четыре группы:

1. Перевод стилистических тропов в дипломатических текстах.

Экспрессивность и образность дипломатических документов достигается за счет использования в языке стилистических элементов. В речи дипломатов наблюдается использование таких средств образности, как метонимия и метафора. Задача переводчика заключается в умении переложить исходный текст на язык перевода, сохранив при этом заданную эмоционально-эстетическую информацию текста. В подавляющем большинстве рассмотренных нами примеров использования фигур образности в переводе сохраняется точная передача значения языковых единиц. При этом наблюдается полное совпадение стилистических тропов в языке перевода.

Например:

(31) «Все, что потом **прикрывалось и объяснялось Крымом, Донбассом** и т.д., не соответствует действительности». – «Alles, was danach **mit der Krim, Donezbecken u.a. gedeckt und erklärt wurde**, entspricht nicht der Wirklichkeit» (текст 6 из Приложения 2).

- (32)«Оно, конечно, могло бы быть и так, но хотела бы сказать, что ведущие американские компании не захотели уходить с российского рынка, несмотря на настойчивые **призывы Белого дома**». – «Es hätte vielleicht auch so sein können, doch die führenden US-Unternehmen wollten nicht russischen Markt trotz beharrlicher **Aufrufe des Weißen Hauses verlassen**» (*там же*).
- (33)«Всегда готов ответ на вопрос, **кто виноват** – правильно, **виновата Россия**». – «Man hat immer eine Antwort auf die Frage „**Wer ist schuld daran**“ – **Russland sei schuld**» (*там же*).
- (34)«Однако **поведение Администрации Б. Обамы выглядит** настолько **нелепо и позорно** для такой великой страны, как США, что трудно ассоциировать эти судорожные действия с позицией американского народа». – «Doch **das Verhalten der Administration von Barack Obama sieht so peinlich und beschämend** für solches große Land, wie die USA aus, dass diese konvulsive Handlungen mit der Position des US-Volkes schwer zu assoziieren sind» (*там же*).
- (35)«Мало хорошего оно принесло и остальному миру, нестабильность в котором за последние восемь лет, в том числе из-за **безрассудных шагов Вашингтона**, усилилась». – «Sie brachte auch wenig Gutes der restlichen Welt, wo die Instabilität in den letzten acht Jahren darunter wegen **unvernünftiger Schritte Washingtons** zunahm» (*там же*).
- (36)«Bei unserem Treffen im NormandiefORMAT am Rande der Münchner Sicherheitskonferenz **hatten** beide Seiten – **Moskau und Kiew** - **zugesichert**, ihren Einfluss zu nutzen, um die Verabredungen aus der Trilateralen Kontaktgruppe vom 15. Februar umzusetzen». – «Во время нашей встречи в Нормандском формате, прошедшей на полях Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, обе стороны – **Москва и Киев** – **заверили**, что воспользуется своим влиянием для того, чтобы договоренности Трехсторонней контактной группы от 15 февраля были реализованы» (*текст 8 из Приложения 2*).

(37)«Eine **starke OSZE** muss zugleich über den Tellerrand staatlicher Strukturen hinaus denken». – «В то же время, **ОБСЕ, чтобы быть сильной**, не должна **ограничиваться мышлением** в категориях государственных структур» (*там же*).

(38)«Um dabei nachhaltigen Lösungen zum Durchbruch zu verhelfen, brauchen wir eine **funktionierende und entschlossene OSZE!**» – «Для разработки устойчивых концепций в целях достижения прорыва нам необходима **дееспособная и решительная ОБСЕ!**» (*текст 1 из Приложения 2*).

(39)«Genau das ist doch das Problem von Außenpolitik, die mit der Geste der Empörung auf **medialen Beifall** setzt und sich mit Besichtigung der erzeugten Schlagzeile am nächsten Morgen selbstzufrieden zurücklehnt». – «Ведь именно в этом заключается проблема тех деятелей внешней политики, которые рассчитывают своим жестом возмущения **вызвать шумиху в прессе** и на следующее утро самодовольно откинуться в кресле, читая громкие заголовки в газетах» (*текст 12 из Приложения 2*).

В данном случае немецкоязычная метафора *medialer Beifall* переведена на русский язык путем замены исходной метафорической единицы.

При полном переводе с сохранением лексического значения исходной единицы мы бы перевели как «овации СМИ» (при этом стилистический троп был бы сохранен в языке перевода). В приведенном пассаже мы видим, что в переводе исходная единица получила еще дополнительную эмоциональную окраску высказывания, вызванную за счет употребления разговорного выражения *шумиха в прессе*. Также наблюдается использование переводчиком приема расширения исходного значения лексической единицы: исходное словосочетание *das Problem von Außenpolitik* (проблема внешней политики) переведена на русский язык как *проблема деятелей внешней политики*.

Еще одним стилистическим тропом, часто встречающимся в речи дипломатических деятелей, является метафора. Использование метафорических моделей характерно также для политического дискурса (Гришаева 2009 : 22). Политической коммуникации, как и дипломатической, характерно обращение к концептуальным метафорам, а также использование переносного смысла для обозначения политических явлений.

Например:

(40)«Liebe Kolleginnen und Kollegen, unser Jahr **auf der Brücke des OSZE-Schiffs** neigt sich dem Ende zu: Im Januar sind wir in stürmischen Zeiten gestartet – und der Seegang hat sich seitdem nicht beruhigt». – «Дорогие коллеги, наш год **на капитанском мостике корабля «ОБСЕ»** подходит к концу. В январе мы двинулись в путь в бурные времена, и с тех пор бури не утихомирились» (*текст 1 из Приложения 2*).

(41)«Gerade in diesen Zeiten brauchen wir die **OSZE – als Leuchtturm, der uns Orientierung gibt**». – «Именно в такие времена **ОБСЕ** нам необходима **как маяк, дающий нам нужный ориентир**» (*там же*).

(42)«... Unsere **Rüstungskontrollarchitektur** hat sich lange als Garant für Sicherheit und Stabilität erwiesen». – «... наша **архитектура контроля над вооружениями** долгое время являлась гарантом безопасности и стабильности» (*там же*).

(43)«Liebe Kolleginnen und Kollegen, ohne einen festen Blick auf den Kompass – und damit meine ich unseren **Wertekompass** - werden wir in diesen stürmischen Zeiten nicht ans Ziel gelangen». – «Дорогие коллеги, без четкой оглядки на компас – я имею ввиду **компас наших ценностей** – мы в такие бурные времена не дойдем до цели» (*там же*).

2. Особенности перевода идиоматических выражений.

(44)«Traditionelle Mechanismen **laufen** immer häufiger **ins Leere**, weil sie nicht mehr den sicherheitspolitischen, militärischen und technologischen Realitäten von heute entsprechen». – «Традиционные механизмы все чаще и чаще **работают вхолостую**, так как уже не соответствуют нынешним реалиям политики безопасности, военной политики и развития технологий» (*там же*).

(45)«Aber stellen Sie sich doch einmal vor, wir hätten das Minsker Abkommen nicht verhandelt: Wir hätten heute vielleicht einen offenen Krieg zwischen zwei **bis an die Zähne bewaffneten** Armeen in Europa». – «Но представьте себе, что мы не вели бы переговоров по Минским соглашениям: возможно, сегодня мы имели бы открытую войну между двумя **вооруженными до зубов** армиями в Европе» (*текст 12 из Приложения 2*).

При переводе идиоматических конструкций на язык перевода, так же как в случае со стилистическими тропами, переводчики применяют тактику полного перевода с сохранением лексической и грамматической единицы (либо с незначительным преобразованием), так как грамматический состав оборота в исходном языке имеет полное совпадение со структурой идиоматической языковой единицы в языке перевода при условии совпадения социально-культурных ассоциаций.

3. Особенности перевода стилистически-окрашенных языковых единиц.

Данная группа является самой многочисленной по количеству найденных в процессе изучения примеров переводческих стратегий, демонстрирующих перевод несвойственных дипломатическому языку эмоционально-окрашенных единиц языка. Приведем наиболее яркие из них, на наш взгляд.

а. Примеры перевода с потерей стилистической окраски языковых единиц в языке перевода:

(46) «Американские спецслужбы и другие представители администрации **действовали исподтишка**, не информируя российские правоохранительные органы о претензиях к нашим соотечественникам (хотя для этого у нас имелась вся законодательная база), а хватая их при выезде за границу». – «US-Sicherheitsdienste und andere Vertreter der Administration **gingen geheim vor**, ohne die russischen Rechtsschutzorgane über die Ansprüche gegenüber unseren Mitbürgern zu informieren und sie bei der Ausreise ins Ausland gefasst» (*текст б из Приложения 2*).

Разговорное наречие *исподтишка* имеет переносный смысл «скрытно, тайно». В данном примере переводчик сохранил смысловую точность словосочетания, изменив при этом стилевой регистр исходной лексемы. Таким образом, словосочетание *действовать исподтишка*, относящееся к разговорной речи в русском языке изменило свое функциональное свойство в языке перевода. В случае сохранения элемента разговорной речи в переводе было бы корректнее перевести исходное выражение *mit verdeckten Karten spielen*.

Отметим также, что в данном высказывании переводчиком опущено примечание говорящего в переводе на немецкий язык.

(47) «Это все **умудрились «упаковать» в пару лет**: придумать концепцию изоляции, якобы ее внедрить, а потом еще объяснить, почему она не реализовалась – на все эти вещи ушли не десятилетия, а всего пара лет». – «Das alles **dauerte ein paar Jahre** – ein Konzept der Isolierung auszudenken, es angeblich implementieren, und erklären, warum es nicht umgesetzt wird – das dauerte nicht Jahrzehnte, sondern ein paar Jahre» (*там же*).

(48) «Именно поэтому мы не обнародовали многие факты, **не «выливали» в медийное пространство** всю накапливающуюся «грязь», которой с каждым днем становилось все больше». –

«Ausgerechnet deswegen **veröffentlichen** wir viele Fakten und den ganzen **Schmutz** nicht, den es von Tag zu Tag immer mehr gab» (*там же*).

(49)«Конечно, не обошлось и без **традиционного кошмара**». – «Natürlich gab es auch **schreckliche Dinge**» (*текст 13 из Приложения 2*).

(50)«Получается, что всех, кто готов **бросить камень** в законное правительство Сирии и распространить любую информацию, так или иначе поддерживают на Западе». – «Es stellt sich heraus, dass alle, die die legitime Regierung Syriens **kritisieren** und jede Informationen verbreiten, im Westen unterstützt werden» (*там же*).

(51)«Делается это без какого-либо ограничения по гендерному, возрастному или национальному признаку, **без блага** или какой-либо протекции». – «Es gibt keine Beschränkungen nach dem Geschlechts-, Alters- oder nach dem nationalen Merkmal, wobei Frauen **keine Protektoren haben**» (*там же*).

В вышеперечисленных примерах при переводе эмоциональный посыл в речи теряется за счет «сглаживания» острых выражений в языке перевода. Таким образом, при восприятии текста в переводе отсутствует дополнительная коннотация и теряется стилистическая окраска, заложенная в исходном тексте.

в. Примеры перевода с сохранением стилистической окраски языковых единиц в языке перевода:

(52)«С позиций здравого смысла так же сложно оценивать **русофобскую истерию**, которая стала нагнетаться в американском обществе в преддверии президентских выборов». – «Aus der Position des gesunden Verstandes ist es ebenfalls schwierig die **russenfeindliche Hysterie** einzuschätzen, die in der US-Gesellschaft kurz vor der Präsidentschaftswahl entwickelt wurde» (*текст 6 из Приложения 2*).

(53)«По поводу борьбы с нигилизмом я даже говорить не хочу.

Это вообще какое-то историческое и философское **мракобесье** заявлять

о том, что крупнейшая в мире страна борется с нигилизмом – это вообще вне комментариев». – «In Bezug auf den Kampf gegen Nihilismus will ich gar nichts sagen. Das ist eine historische und philosophische **Obskurität**, zu sagen, dass das weltweit größte Land gegen Nihilismus kämpft – keine Kommentare dazu» (*там же*).

(54) «Все это постоянно подогревалось СМИ и спецслужбами США через «утечки» и напрямую продвигаемую информацию в своих «карманных» СМИ». – «Das alles wurde ständig von den Medien und US-Sicherheitsdiensten via „Leaks“ und eigene **kontrollierte Medien** verbreitet» (*текст 6 из Приложения 2*).

В данном примере при переводе исчезает переносное значение исходной лексемы *карманный* (перен. разг. «полностью зависимый от кого-л., беспрекословно подчиняющийся»).

(55) «Хотелось бы надеяться, что с переменами в Белом доме удастся переломить опасную тенденцию **деградации** российско-американских **связей, вывести отношения из пике**, в которые их вогнал Б.Обама». – «Man will hoffen, dass mit den Änderungen im Weißen Haus der gefährliche Trend des **Verfalls der** russisch-amerikanischen **Verbindungen** geändert wird, **die Beziehungen aus dem Sturzflug gerettet werden**, wohin sie Obama trieb» (*там же*).

В данном примере в обоих случаях сохраняется эмоционально-стилистическая окраска языковых единиц. При переводе ставшего частотным в русском языке выражения *деградация связей* используется точное соответствие в языке перевода. Также при переводе с русского языка фразеологизма *вывести отношения из пике* используется точное соответствие фразы в переносном смысле в языке перевода *die Beziehungen aus dem Sturzflug retten*.

(56) «Это попытка создавать **искаженную, извращенную** реальность, а потом использовать ее, чтобы пытаться перейти от выполнения резолюции СБ ООН об урегулировании в Сирии на

основе общесирийского диалога к линии на то, чтобы в очередной раз свергнуть режим в регионе». – «Aber im Ernst: Es geht um einen Versuch, eine **entstellte, perverse** Realität zu schaffen und sie dann auszunutzen, um von der Erfüllung der Resolution des UN-Sicherheitsrats zur Syrien-Regelung auf Basis des syrisch-syrischen Dialogs zu einem weiteren Machtsturz in der Region zu übergehe» (*текст 9 из Приложения 2*).

(57) «Призываем все заинтересованные стороны продемонстрировать объективный и ответственный подход к оценке событий, не на словах, а на деле содействовать продвижению политико-переговорного урегулирования в Сирии и избавлению этой страны от **террористической заразы**». – «Wir rufen alle interessierten Seiten zu einem objektivem und verantwortungsvollen Herangehen zur Einschätzung der Ereignisse auf und nicht in Worten, sondern in Taten die politische Regelung in Syrien und der Befreiung des Landes von der **Terror-Pest** zu fördern» (*текст 13 из Приложения 2*).

Эмоциональность проявляется в использовании внелитературных и разговорных элементов языка, эмоционально-окрашенных эпитетов. При переводе эмоционально-окрашенных языковых единиц, которые, к сожалению, все чаще фигурируют в речи дипломатов, используется переводческая тактика нивелирования уровня экспрессивности.

Выводы по второй главе

По итогам рассмотрения лексических трансформаций в дипломатическом переводе можно сделать вывод о том, что большую часть из рассмотренного нами корпуса примеров составляет перевод лексических единиц с сужением исходного семантического значения единицы текста или опущением (48% от всего корпуса примеров). Данная стратегия применяется переводчиками в том случае, когда исходная единица обладает высокой степенью информационной неопределенности и значение ее зависит в большей степени от контекста.

На втором месте в градации переводческих приемов на лексическом уровне находятся языковые единицы, перевод которых полностью совпадает со значением исходной лексики (25% примеров).

Третье место занимает группа примеров с частичным изменением исходной единицы в языке перевода (12% примеров). Частичное изменение семантического значения связано с наличием устойчивых словосочетаний (фразеологизмов) в переводящем языке. В связи с этим, переводчику нет необходимости прибегать к точной передаче значения отдельных языковых единиц.

На четвертом месте находятся примеры перевода с расширением исходного значения. Стратегия расширения значения языковой единицы в языке перевода применяется в том случае, когда исходная единица обладает меньшей степенью информативности. Примеры лексико-семантических трансформаций с сужением значения в языке перевода составляют 9%.

На последнем месте находится группа примеров с несовпадением значения лексических единиц исходного языка с языком перевода. К этой же группе относятся переводы с описанием значения исходной единицы. Описательная стратегия, как нам представляется, используется в том случае, когда в языке перевода отсутствует лексическое соответствие исходной языковой единице. При этом описательный перевод должен быть предельно кратким. Примеры данной группы лексических особенностей перевода составляют 6%.

Среди рассмотренных в данном исследовании стилистических особенностей перевода нами были выделены особенности перевода стилистических тропов, идиоматических выражений, а также экспрессивно-окрашенных элементов речевой деятельности, содержащих в отдельных случаях иронию.

На основе выбранных в работе и рассмотренных примеров перевода можно сделать вывод о том, что при переводе метафорических и метонимических единиц, употребляемых все чаще в дипломатическом

языке, используется стратегия полного перевода. Точная передача стилистических особенностей в переводящем языке представляет собой типичный способ передачи стилистической окраски исходного текста.

В рассмотренных примерах метафорические и метонимические единицы в исходном языке имеют полное соответствие в языке перевода по сочетаемости единиц и эмоционально-оценочному значению.

Помимо точного лексического перевода, направленного на передачу исходного содержания текста, важным в языке дипломатии является передача исходной образности текста и выразительности речи.

Отдельную группу исследования составили перевод экспрессивно-окрашенных единиц языка, который в большей степени встречается в брифингах официального представителя МИД России Марии Захаровой. При этом в данной группе примеров нами были выделены две подгруппы: тексты, в переводе которых переводчик сохраняет стилистическую окраску выражений в соответствии с оригиналом, то есть разговорные и порой нестандартные для русского литературного языка фразы и предложения переводятся на немецкий язык посредством использования синонимичных фразовых единиц в языке перевода. Вторую подгруппу примеров составляют переводы, в которых стилистическая окраска в языке перевода нивелирована. Таким образом, фразовые единицы имеют в языке перевода точное соответствие по смыслу, при этом происходит замена разговорного выражения исходного языка на литературное в языке перевода. Причинами такого стилистического несоответствия текстов дипломатической коммуникации могут быть труднопереводимые языковые единицы исходного языка, не имеющие стилистического соответствующего переводного инварианта, а также несоответствие экспрессивно-окрашенных стилистических способов выражения в разных культурах.

Заключение

В настоящем исследовании проведен анализ лингвистической системы дипломатического дискурса с целью определения дискурсивных маркеров на уровне языковых единиц. В рамках данной задачи были рассмотрены лексико-стилистические особенности, характерные для обиходно-делового формата дипломатического дискурса.

В ходе исследования было установлено, что дипломатический язык представляет собой строго регламентированную структуру с набором фиксированных средств языкового выражения на лексическом уровне. Дипломатические документы, являющиеся формой внешнеполитической деятельности государств, характеризуются высшей степенью информативности, регламентированностью речи, имперсональностью, диалогичностью, строгостью изложения и смысловой ясностью. Дипломатическая деятельность построена на соблюдении дипломатической этики и протокольных формул, которые находят свое отражение в текстах.

Выделение дипломатического подстиля в системе официально-делового функционального стиля языка обусловлено дополнительной задачей речевой деятельности – дипломатической коммуникации. В рамках изучения системы дипломатического подстиля нами были выделены характерные стилевые черты, присущие дипломатической коммуникации: четкость и ясность изложения, отсутствие двусмысленности, использование обезличенных речевых конструкций, употребление устоявшихся оборотов речи, стандартизированных клише и устойчивых лексических единиц, вошедших в дипломатический язык как отдельная часть лексического состава языка.

Наряду с этим, для языка дипломатической коммуникации характерны использование обтекаемых формулировок, имплицитность наименований, а также нивелирование уровня эмоциональной окраски высказываний.

В настоящей работе приведены классификации дипломатических документов, выделенных на основе теории типов текстов.

По результатам анализа текстов брифингов, пресс-конференций и речей дипломатов нами был составлен двуязычный глоссарий наиболее частотных лексико-семантических единиц, встретившихся в проанализированном материале.

В практической части настоящего исследования были рассмотрены лексико-стилистические особенности дипломатического языка в аспекте перевода.

На лексическом уровне нами были выделены наиболее распространенные виды лексико-семантических модификаций языковых единиц в переводе. Так, особенностями перевода на лексическом уровне являются:

- Перевод с использованием точного (полного) соответствия лексической единицы в языке перевода;
- Перевод с изменением одной лексической единицы исходной фразы;
- Перевод с расширением исходного значения лексической единицы;
- Описательный перевод в случае несовпадения значений исходного высказывания в переводящем языке;
- Перевод с сужением исходного значения лексической единицы (Опущение в переводе структурных лексико-семантических единиц).

Процентное соотношение используемых переводческих модификаций на лексическом уровне представлено на диаграмме ниже. При этом за 100% принят весь корпус проанализированных в рамках настоящего исследования примеров (430 единиц).

**Процентное
соотношение
используемых лексико-
семантических
модификаций в
переводе
дипломатических
текстов**

Среди стилистических особенностей перевода нами были выделены и рассмотрены три группы примеров перевода стилистических единиц:

- Перевод стилистических тропов (метафоры и метонимии);
- Перевод идиоматических выражений;
- Перевод стилистически-окрашенных языковых единиц.

На основе рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что характерной особенностью перевода стилистических тропов в дипломатическом языке является полный перевод, то есть использование максимально точного соответствия лексических единиц в языке перевода с сохранением стилистической тональности текста.

Отдельным предметом рассмотрения стали особенности передачи эмоциональной окраски высказываний, встречаемых в текстах брифингов представителя российского МИДа в переводе. Для передачи стилистически-окрашенных фразовых единиц переводчики используют стратегии сохранения исходной тональности и экспрессии за счет использования синонимичных средств выражения в языке перевода. Таким образом,

оригинальность исходного текста передана не только за счет точности лексических значений слов, но и с сохранением эмоционально-оценочной окраски. При этом в половине рассмотренных случаев перевода стилистически-окрашенных языковых единиц наблюдается явное стремление переводчиков заменить исходную экспрессию речевого высказывания на нейтральную тональность в переводе. Достигается такой эффект за счет использования лексики с нейтральным значением в языке перевода либо посредством опущения, то есть неперевода отдельных языковых элементов. Таким образом, можно сделать вывод, что переводчики дипломатической сферы нередко берут на себя смелость смягчать эмоционально - резкие высказывания дипломатов, тем самым нивелируя уровень стилистической окраски производного текста.

Предложенная в настоящем исследовании типология лексико-стилистических особенностей текстов дипломатической коммуникации в аспекте перевода может быть использована в качестве основы для исследований других типов дипломатических текстов не только устной коммуникации, но и письменных источников. Двуязычный глоссарий также может быть использован начинающими переводчиками в процессе подготовки к переводу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Перспектива, Издательство «Союз», 2008. – 288 с. (Изучаем иностранные языки).
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Баландина Л.А., Кураченкова Г.Ф. Язык дипломатии: традиции и современность // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 2011. – 259 с.
5. Борисенко И.И., Евтушенко Л.И. Английский язык в международных документах (право, торговля, дипломатия): Учеб. пособие. – К.: Логос, 2001. – 480 с.
6. Брандес М.П., Пиронкова М.П. Практикум по функциональной стилистике немецкого языка. Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. ин. яз – М.: «Высшая школа», 1975. – 195 с.
7. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
8. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
9. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Филологический факультет. т.1: Сб. статей по языкознанию. – М., 1939. – С. 5-6.

10. Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Издательство «Наука», 1968. – 231 с.
11. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук. – Челябинск, 2007. - 231 с.
12. Волкова Т.А. Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов // Журнал «Политическая лингвистика». Выпуск № 3. – 2011
URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metodika-analiza-diskursa-v-modelirovanii-perevoda-diplomaticheskikh-tekstov>.
13. Гришаева Л.И. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: кол. монография / Гришаева Л.И., Катанова Е.Н., Кашкина О.В., Бойко М.А. – Воронеж: Изд.-полигр. центр ВГУ, 2009. – 319 с.
14. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. - № 4 – С. 368–377. URL: http://www.infolex.ru/IZV4_81.html.
15. Джафаров В. Дипломатия и дипломатическая переписка
URL: http://www.studmed.ru/view/dzhafarov-v-diplomatiya-i-diplomaticheskaya-perepiska_4f10a9a392b.html
16. Золотарева Н.В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 1999. – 22с.
17. Иссерлин Е.М. Лексика и фразеология современных дипломатических документов: Учебное пособие. Материалы к курсу «Стили русского языка». М.: Изд. Московского полиграфического института, 1966. – 15 с.

18. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
19. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <==> Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
20. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
22. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. – М.: Издательство «Международные отношения», 1968. – 208 с.
23. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966. – 91 с.
24. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
25. Константинова Н. Л. Иноязычные заимствования и система языка (на материале англоязычной лексики в финансово-экономической терминологии немецкого языка) // Филологические науки. — 1999. № 2. — С. 86 — 92.
26. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004 – 560 с.
27. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. — 560 с.
28. Левковская К.А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии и примыкающей к ней лексике. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. – 163 с.

29. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.
30. Никольсон Г. Дипломатия – Государственное издательство политической литературы, 1941. – 153 с.
31. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2010. – 576 с.
32. Приходько А.Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. С. 22-30.
33. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М.: Издательство Академии Заук СССР, 1961. – 231 с. (с. 46 — 54.)
34. Ризель Э.Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Иностранные языки в школе. – 1975. – Вып. 5. – С. 13.
35. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. Учеб. пособие для вузов. М.: «Высшая школа», 1974. – 352 с.
36. Саидов Х.А. Дипломатическая терминология и ее особенности в разносистемных языках // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – Вып. 3 (51), 2012. – С. 216 -223.
37. Саидов Х.А. Дипломатическая терминология в таджикском и английском языках: диссертация ... доктора филологических наук. – Душанбе, 2013. - 366 с.
38. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

39. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.
40. Соловьев Э.Я. Основы дипломатического права: Учебное пособие. – М.: Ось-89, 2005. – 144 с. (Серия «Juris prudentia»).
41. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. – М.: URSS. Изд. 2-е испр., 2007. – 344 с.
42. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. – М.: Высшая школа, 1968. – 201 с.
43. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. Пособие по самообразованию. – М., «Высшая школа», 1992 – 175 с.
44. Трабелси Хайфа Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 2013. – 201 с.
45. Фарафонова Л.Г. Система дипломатического подстиля и ее исследование на уровне текста: на материале современного немецкого языка: диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 1977. – 203 с.
46. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций; 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 331 с.
47. Хэллидей, М. А. К. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. – М.: Прогресс. Вып.9, 1980. – С. 118-147.
48. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований. // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – 155 с.
49. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

50. Шевнин А.Б. Официально-деловой стиль. Матрица переводческих проблем: учебное пособие. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2010. – 172 с.
51. Gülich E., Raible W. Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. Athenäum Verlag, Frankfurt am Main., 1972.
52. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 1991.
53. Heller K. Der Wortschatz unter dem Aspekt des Fachwortes-Versuch einer Systematik. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx Universität, Leipzig, 1970/4.
54. Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. – Tübingen, 1986. – 235 S.
55. Risel E. Stilistik der deutschen Sprache. Verlag für fremdsprachige Literatur. – М., 1959.
56. Wildner H. Die Technik der Diplomatie. Wien, Springer – Verlag, 1959.

В том числе словари и справочная литература:

57. Дипломатический словарь // Гл. ред. А. А. Громыко. Государственное издательство политической литературы, М., 1960, Т.1 – 580 с.
58. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
URL: <http://www.slovoblog.ru/efremova/>
59. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
60. Онлайн словарь немецкого языка. URL: www.duden.de
61. Венская конвенция о консульских сношениях, Вена, 24 апреля 1963 года. URL: http://www.almaata.mid.ru/pk1_1.htm.

**Двуязычный глоссарий основных лексических единиц, встречающихся
в современном дипломатическом языке**

Бескомпромиссная борьба с международным терроризмом	Kompromissloser Kampf gegen internationalen Terrorismus
Угрозы санкциями	Sanktionsandrohungen
Лавина беженцев	Flüchtlingsstrom
Антироссийская пропаганда	Russlandfeindliche Propaganda
Русофобия	Russlandhass
Предмет многочисленных спекуляций	Gegenstand mehrerer Spekulationen
Кризисный режим	Krisenmodus
Демократический костяк нашей системы	Demokratisches Rückgrat unseres Systems
Очаги конфликтов	Konfliktherde
Словесные дуэли	Schlagabtausch
Подробный обмен мнениями	Vertiefter Meinungs austausch
Карательная операция	Strafoperation
Обструкционистская позиция	Obstruktionsposition
«формула Штайнмайера»	Steinmeier-Formel
«Комплекс мер»	Maßnahmenkomplex
Подтягивание резервов	Verlegung von Reservekräften
Националистические батальоны	Nationalistische Bataillone
Зона конфликта	Konfliktraum
Радикальные группировки	Radikale Gruppierungen
Добровольческие батальоны	Freiwillige-Bataillone
Активизация политического диалога	Intensivierung des politischen Dialogs
Секторальные форматы взаимодействия	Branchenbezogene Kooperation

Системная ревизия отношений	Revision der Beziehungen
Повод для политических спекуляций	Gegenstand von politischen Spekulationen
Секторальные диалоги	Themenbezogene Dialoge
Поддерживать отношения	Beziehungen pflegen
Инклюзивный межсирийский диалог	Allumfassender zwischensyrischer Dialog
Германские силовики	Die deutschen Geheimdienste
«Системное сдерживание»	Systematische Abschreckung
Заморозить каналы диалога	Dialog-Kanäle einfrieren
Отвод тяжелых вооружений	Abzug schwerer Waffen
Восточное партнерство	Östliche Partnerschaft
Двусторонние отношения	Bilaterale Beziehungen
Отвод техники	Rückzug der Technik
Отвод вооружений	Rückkehr der Waffen
Линия соприкосновения	Trennungslinie, Trennlinie
Режим прекращения боевых действий	Der Waffenstillstand
Гаранты договоренностей	Garanten der Vereinbarungen
Сложить оружие	Die Waffen niederlegen
Мобильные отряды	Mobile Einheiten
Получить подкрепление	Nachschub erhalten
Разворачиваться к конфронтации	Einen Konfrontationskurs aufnehmen
«Прифронтовые государства»	«Frontnahe Staaten»
Снабжать оружием	Mit Waffen versorgen
«Киберхулиганство»	«Cyber-Rowdytum»
Режим прекращения огня	Die Waffenruhe
Взаимный вывод вооруженных сил	Fortsetzung der Entflechtung
Политические окопы	Politische Gräben
Спираль вооружений	Rüstungsspirale

«Горячие точки»	Krisenherde
Постконфликтная стабилизация	Konfliktnachsorge
Поле битвы	Schlachtfeld
Достигнуть договоренностей	Verabredungen treffen
Антироссийские санкции	Russland-Sanktionen
Насаждать русофобию	Russlandhass voranbringen
Кризисный период	Umbruchsituation
Конфликтующие стороны	Konfliktparteien
С глубокой озабоченностью	Mit tiefer Besorgnis
Стоять на повестке	Auf der Tagesordnung stehen
Русофобская истерия	Die russenfeindliche Hysterie
Дух Майдана	Der Geist des Maidan
Миграционный кризис	Flüchtlingskrise

Список текстов, выбранных в качестве иллюстрации примеров, используемых в настоящей работе

1. Выступление Федерального министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге, от 07.12.2016.
2. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ А.К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, от 16.02.2017.
3. Комментарий МИД России в связи с событиями на Украине, от 21.02.2014.
4. Речь Министра иностранных дел Германии З. Габриэля о продолжении переговоров по Сирии в Женеве, от 15.05.2017.
5. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, Москва, от 24.04.2017.
6. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, от 19.01.2017.
7. Эксклюзивное интервью Министра иностранных дел Германии З. Габриэля руководителю редакции внешней политики "Интерфакса" О. Головановой.
8. Выступление Министра иностранных дел Габриэля об актуальном положении дел в Восточной Украине, 22.02.2017.
9. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Государственным секретарем США Р. Тиллерсоном, Москва, от 12.04.2017.

10. Брифинг официального представителя МИД России
М.В. Захаровой, от 27.01.2017.
11. Интервью Посла России В.М.Григина радио «Спутник»,
от 01.06.2016.
12. Интервью Федерального министра иностранных дел
Ф.-В. Штайнмайера газете «Райнише Пост», от 20.10.2016.
13. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой,
05.04.2017.
14. Заявление Министра иностранных дел З. Габриэля
по итогам встречи глав внешнеполитических ведомств Германии,
Франции, России и Украины на полях Мюнхенской конференции по
вопросам политики безопасности.
15. Материалы, опубликованные на сайте МИДа Германии
по вопросу внешней политики, осуществляемой Украиной.
16. Приветственное слово Посла фон Фрича по случаю открытия
Потсдамских встреч, от 08.11.2016.
17. Заявление МИД России в связи с режимом обострения ситуации в
Донбассе, от 31.01.2017.
18. Комментарий Департамента информации и печати МИД России по
событиям на Украине, от 18.02.2014.
19. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи
с докладом специальной мониторинговой миссии ОБСЕ о проблемах
водоснабжения Донбасса, от 14.09.2015.
20. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи
с введенной Киевом транспортной блокадой Донбасса, от 15.03.2017.
21. Справочная информация об отношениях Эфиопии
с Европейским Союзом, апрель 2017.